

Е. П. КАРНОВИЧ

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ
ИЗ СТАРИННОГО
БЫТА ПОЛЬШИ

Евгений Карнович

**Очерки и рассказы из
старинного быта Польши**

«Public Domain»

1873

Карнович Е. П.

Очерки и рассказы из старинного быта Польши /
Е. П. Карнович — «Public Domain», 1873

Одна из лучших книг Евгения Карновича, на страницах которой наряду с шальными польскими магнатами, очаровательными грешницами, последним польским королем Станиславом Понятовским, героическим Тадеушем Костюшко и незабываемым «паном-коханком» Карлом Радзивиллом читатель встретит множество ярких персонажей из жизни старой Польши XVI-XVII века.

Содержание

Польское посольство во Францию	5
Нитка жемчуга	13
Вызов родственников	19
Князь Иосиф Яблоновский	24
Охота на вепря	27
Покинутый замок	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгений Петрович Карнович

Очерки и рассказы из старинного быта Польши

Польское посольство во Францию

Настоящий рассказ наш относится к 1645 году. В это время сидел на польском престоле король Владислав IV, которому представлялась некогда возможность царствовать на Москве. Королю Владиславу было в эту пору около пятидесяти лет. Давно была ему пора жениться, — и он, наконец, после разных соображений, решился предложить свою руку принцессе Марии-Людовике Мантуанской, жившей при дворе регентши Франции, Анны Австрийской, матери малолетнего короля Людовика XIV.

Сватовство польского короля к принцессе началось при посредстве ловкого и расторопного ксёндза Ронкони, бывшего польским резидентом в Париже. Когда дело о браке было улажено частным образом, то Владиславу нужно было попросить формально руки принцессы. Король исполнил это через особенного посла; а французский двор дал на предложение Владислава своё согласие. Теперь оставалось только королю отправить в Париж чрезвычайного посла, который, как представитель королевской особы, должен был обвенчаться в Париже с Марией-Людовицей и привезти её в Варшаву.

В эту пору, денежные дела короля Владислава, вследствие войн с Москвою, Швецией и Турцией, были очень плохи. Даже самый брак короля с принцессой Мантуанской был не без финансовых расчётов с его стороны. Король знал, что, женившись на богатой принцессе, он мог легко занять, на счёт её приданного, до 600.000 злотых, а этим займом он надеялся кое-как поправить свои расстроенные обстоятельства. Нужно было только Владиславу выбрать такого знатного и богатого польского магната, который бы мог быть достойным представителем польского короля при пышном парижском дворе.

Такой выбор магната, для доставки им королевской невесты из Парижа в Варшаву, сильно затруднял Владислава IV, — не потому, однако, чтобы в тогдашней Польше не нашлось таких людей, которые, по своему уму и по своему образованию, не могли бы с честью явиться в Париже. Это обстоятельство не могло затруднять Владислава, так как ещё за сто лет до той поры, сама королева Елизавета отдавала в Лондоне справедливость учёности и разуму польских послов. В настоящем случае встречалось затруднение совсем другого рода.

В ту пору значение магнатов в Польше было слишком сильно; при малейшем неудовольствии, при размолвке с королём из-за какой-нибудь безделицы, они прекращали с ним сношения и тогда трудновато было королю сойтись с своим недругом. Между тем Владислав IV был в постоянном раздоре с большей частью магнатов. Те же из них, которые были близки к нему и которые, по своему имени и образованию, могли бы явиться достойными его представителями в Париже, не были так богаты, чтоб могли показаться в столице Франции с подобающим блеском и с ослепительным великолепием, как этого требовала важная цель посольства. Король же, как мы сказали, находился сам в затруднительном положении по денежной части до такой степени, что иногда и на дворцовой кухне оказывался недостаток в съестных припасах. Вследствие этого Владислав не мог дать от себя своему представителю огромных денежных средств, которые однако были необходимы в настоящем случае.

Не оставалось Владиславу ничего более, как сблизиться с кем-нибудь из магнатов; и выбор короля, после долгих колебаний, пал наконец на воеводу познанского, Криштофа Опалинского, считавшегося в то время одним из первых богачей во всей Польше. Остановившись

в своём выборе на пане Криштофе, король не был однако вполне уверен в успехе. Богатый воевода, хотя и жил чрезвычайно роскошно, но к прискорбию короля был крепок на деньгу в некоторых случаях, а между тем предлагаемая Опалинскому честь – привезти в Польшу королеву – могла расстроить всё его состояние, как бы громадно оно ни было.

Король решился однако попытать счастья и вступить в переговоры с Опалинским.

В это время была не занята важная должность коронного маршала; Владислав предложил эту должность Опалинскому с тем, чтобы он съездил на свой счёт в Париж и привёз ему оттуда невесту; и кроме того в общих словах пообещал ему весьма почётное звание маршала при будущей королеве. Делая такое лестное предложение пану Криштофу, король не мог впрочем надеяться, что дело между ним и неподатливым Опалинским кончится без новых затруднений. В ту пору случалось очень часто, что магнаты, получая королевское предложение – занять какую-нибудь высокую должность, принимали её не иначе, как постановив с своей стороны какие-либо особые условия. У Владислава был ещё в свежей памяти тот обидный для него случай, когда он незадолго перед этим предложил воеводе познанскому, Станиславу Любомирскому, звание краковского каштеляна и как тот соглашался принять эту первую светскую должность во всём королевстве, с тем только уговором, чтобы младшему его сыну было пожаловано богатое старобство краковское. Король не мог этого сделать, так как подобная отдача была бы противна определениям сейма, но Любомирский настаивал на своём и дело кончилось тем, что слишком требовательный воевода отказался от высокого сана, предложенного ему королём.

Владислав опасался, что и пан Криштоф, вдобавок к сделанным ему предложениям со стороны короля, присоединит ещё свои собственные условия.

У Опалинского была однако слабость ко двору. Владислав воспользовался этим; он исподволь повёл с ним дело через людей посторонних, обещая пану Криштофу, кроме двух маршалств, ещё богатые старобства. Воевода не устоял, и поддавшись этим искушениям решился поехать в Париж за королевской невестой.

Опалинский стал готовиться к отъезду.

Надобно заметить, что пан Криштоф отправлялся в край уже хорошо знакомый полякам. Ещё Мария-Людовика не сидела на польском престоле, а уж поляки превосходно знали Францию, её язык, её нравы и обычаи. Большею частью польские вельможи того времени проводили свою молодость в Париже и нередко даже служили при французском дворе. Так, тогдашний великий гетман Потоцкий был в юности пажом Генриха IV, а великий канцлер литовский Альберт Радзивилл пользовался в своей юности особенной благосклонностью короля Людовика XIII. Бывший же в то время краковским воеводой Якуб Собеский всю свою молодость провёл в Париже и туда же отправил своих молодых сыновей.

Впрочем не одни только светские сановники, но даже и высшие духовные лица были хорошо знакомы с Францией, а в числе их был и архиепископ гнезненский Станислав Лещинский, примас королевства.

Вообще же в Париже было в то время много поляков, которые не только что ловко служили при королевском дворе в пышных залах, но и храбро сражались под французскими знамёнами, желая своими военными подвигами или составить себе громкое имя, или поддержать боевую знаменитость своих предков.

Опалинский был назначен главным послом, так как он был представителем короля. Другими же послами, отправившимися вместе с ним, были его близкие родственники: воевода поморский Денгоф и епископ варминский Вацлав Лещинский. Из них первый должен был подписать в Париже брачный контракт между Владиславом и Марией-Людовикой, уже подписанный в Варшаве самим Владиславом и французским посланником при польском дворе.

В начале сентября 1645 года, Денгоф отправился морем во Францию из Данцига, а в конце сентября того же года выехали из Варшавы в Париж воевода познанский и епископ варминский. Тщеславность и огромные богатства Опалинского ругались за то, что он, взявшись

быть в Париже представителем короля, исполнит это с той пышностью, которая поразит французов. Нельзя было сомневаться, что пан Криштоф, живший у себя в Серакове с большим великолепием, ещё великолепнее покажет себя на чужой стороне.

Действительно, Опалинский отправился во Францию не только забрав всех шляхтичей, служивших у него в Серакове, а также и своих ближайших родственников, но и увеличив свою свиту множеством наёмных слуг. Кроме того воевода взял с собою три хоругви, т. е. три отряда – два пеших и один конный. С воеводой поехали в Париж: маршалок его двора, два конюших, медик, родом немец, секретарь, барон Вольцоген, духовник и учёный монах бернардинского ордена. Кроме того, за каждым из родственников воеводы познанского ехала собственная их, тоже огромная, прислуга. Посольство сопровождалось множеством коней, повозок и колымаг. Из всего этого составила такая громадная ватага, что посольство, при выезде из Варшавы, должно было разделиться на две части и отправиться в Париж разными дорогами для того, чтоб избежать тесноты в тех местах, где нужно было послам останавливаться для отдыха.

В числе коней, следовавших за послами, было много превосходных турецких лошадей, копыта которых в день въезда послов в Париж должны были быть украшены серебряными и золотыми подковами. Множество великолепных колымаг, обитых золотом, бархатом и шёлковыми материями, и взятых послами в Париж, отличалось таким богатством отделки, что даже самые роскошные экипажи тогдашнего французского двора должны были показаться, в сравнении с посольскими колымагами, не более как только простыми повозками. Трудно было перечислить золотую и серебряную посуду, которую везли с собою во Францию польский воевода и польский епископ, не говоря уже о множестве драгоценных камней, редких мехов и богатых шёлковых материй, забранных ими из Варшавы.

Для большей пышности и сообразно с обычаями того края, в который ехало польское посольство, члены его украсили себя почётными дворянскими титулами, взятыми ими только на время. Известно, что конституция 1638 года не позволяла польской шляхте, для поддержания среди неё равенства, носить на родине графские или княжеские титулы; однако, при поездке за границу дело было совсем другое. Каждый шляхтич мог величать себя как ему было угодно. При настоящей же поездке воевода Денгоф титуловался князем, епископ Лещинский и два члена посольства – титуловались графами. Наконец даже сам Опалинский, этот ревнитель шляхетского равенства и преследователь пустых титулов, не отказался назваться на этот раз графом Бнинским.

В то время когда воевода Денгоф ехал морем около берегов Дании, Опалинский, с огромным обозом, медленно тянулся в Францию сухим путём, чрез Германию, удивляя немцев своим поездом. Спустя месяц после выезда Опалинского из Варшавы, обе части посольства съехались в Любеке и отсюда оба польские посла, через Голландию, во второй половине октября, приехали в Париж. С особенным удовольствием узнали они, что двор ещё не переехал на зимнее житьё в столицу и что по этому они могут дать несколько дней отдыха и людям и коням для того, чтобы въехать в Париж во всём блеске.

Торжественный въезд польских послов был назначен на 29-е октября.

По рассказам французских мемуаров того времени, случай этот был одним из самых замечательных событий, совершившихся в тогдашнем Париже. Для того, чтоб дать французам посмотреть хорошенько такую небывалую диковинку, послов просили въехать в Париж в воскресенье и при том около полудня. Опалинский охотно принял это предложение, и в назначенный день потянулся по улицам Парижа его длинный поезд. И хозяева и гости старались в этот день превзойти друг друга щёгольством и пышностью, но в настоящем случае и французы и поляки поразили друг друга резкою противоположностью своих вкусов. Поляки до такой степени изумили своим богатством и своей тяжёлой восточною роскошью, что тогдашние французские учёные пустились в серьёзные розыскания о том, не происходят ли приехавшие к ним издалека гости от мидян и древних персов, которые оставили в истории память о своих дико-

винных, почти баснословных богатствах. В свою очередь, поляки, напротив, дивились бедности французов. В глазах поляков, привыкших ко множеству драгоценных камней, к массивным серебряным и золотым изделиям, все принадлежности щёгольских французских нарядов: банты, ленты, шитьё, перья и кружева, которыми так тщеславились французы, казались никуда негодными тряпками. Спутники Опалинского даже дивились между собою тому, как можно было выставлять напоказ такие безделушки перед иностранными гостями.

Поляки въехали в Париж через предместье св. Антония. Здесь во дворце Рамбулье ожидал их герцог д'Эльбёф с двенадцатью придворными чиновниками. Здесь же Опалинский поставил в порядок свой поезд, который под предводительством французского церемониймейстера двинулся в самый Париж.

Шествие открывалось пешей хоругвью воеводы познанского. Перед ней, на превосходном коне чистокровной турецкой породы, ехал начальник воеводской хоругви, в жёлтом атласном жупане, в пунцовой шёлковой ферязи, подшитой дорогими соболями. Соболя шапка ротмистра с золотой тульёй была украшена дорогой пряжкой из рубина и белыми страусовыми перьями; ножны его сабли были густо усажены бирюзой. Седло и чапрак были вышиты золотом, а стремяна и вся отделка сбруи были серебряные. За хоругвью шли 30 человек пехоты в жупанах из красного сукна и в таких же плащах, у каждого пехотинца было на плаще по восьми больших серебряных пуговиц; серебряные ножи, секиры и мушкеты на плече составляли вооружение этого отряда.

Было бы слишком долго описывать в подробности всю пестроту и всё великолепие посольского поезда, который перемежался с отрядами конной французской гвардии. Атласные и бархатные жупаны и ферязи всевозможных цветов – белые, жёлтые, красные, фиолетовые, литые золотые и серебряные пояса, сабли с отлично вычеканенными рукоятками, и с ножнами, осыпанными бирюзой и множеством драгоценных камней, бриллиантовые пряжки на дорогих соболях шапках и золотая сбруя безостановочно в продолжение нескольких часов мелькали в глазах удивлённых французов.

Особенно поразила парижан ближайшая прислуга воеводы познанского. Она состояла из двадцати четырёх человек, ехавших на отличных арабских и турецких конях. Каждый из всадников, одетый в богатый наряд, имел за спиной лук и колчан, наполненный стрелами. В поезде участвовали также шесть герольдов или трубачей, они были одеты в гербовые цвета рода Опалинских и с гербами этой фамилии, вышитыми серебром и золотом. За герольдами два конюха вели под узды белого турецкого коня, на котором ездил иногда сам воевода. Седло и чапрак на этом коне были отделаны золотом и множеством бирюзы; вся сбруя была из чистого золота; на лбу у коня сверкала большая рубиновая бляха, а широкая сбруя имела столько золотых кистей и золотой бахромы, что весь конь Опалинского, казалось, был покрыт золотой попоной, унизированной драгоценными камнями. Подковы коня были золотые.

Богатство поезда увеличивалось однако всё более и более, по мере того, как приближались послы. Наконец показался и сам Опалинский, как будто весь, с головы до ног, залитый в золото и обсаженный драгоценными камнями. У коня, на котором ехал теперь Опалинский, даже вся сбруя была отделана бриллиантами. Конь этот был приучен к тому, чтобы стать на колени при появлении королевской фамилии.

С жадным любопытством зевала толпа на все рябившие в её глазах богатства: что же касается собственно парижанок, то они засмотрелись не только на посольский поезд, но и на самого посла. Опалинскому было в это время с небольшим тридцать пять лет. Его важная осанка и лихая посадка на коне, приятный взгляд его больших чёрных глаз, выразительные черты и свежесть его лица, а также длинные, густые усы воеводы чрезвычайно понравились француженкам. За послами нескончаемой вереницей тянулись кареты и ехали французские и польские всадники. Поезд замыкался длинным рядом возов с вещами, принадлежавшими послам. Чтобы понять как огромен был весь этот поезд, надобно заметить, что хотя он вступил

в Париж в самый полдень, но тянулся однако до самых поздних сумерек, так что когда послы проезжали около королевского дворца, на балконе которого сидел восьмилетний Людовик с своей матерью, то уже почти ничего не было видно.

В Париже для жительства послам был отведён вандомский дворец, владельцы которого были в ту пору изгнанниками. Первая аудиенция была назначена Опалинскому на другой день, т. е. 31 октября. Она происходила с чрезвычайной пышностью и здесь поляки изумили французов богатством своих нарядов.

Миновав длинный ряд великолепно убранных покоев, они вошли в аудиенц-залу. Здесь король и королева были окружены множеством придворных кавалеров и дам, которые в своих пёстрых и ярких нарядах казались полякам живыми цветами и из которых приглянулись им очень многие. Людовик XIV и его мать, сделав один шаг на встречу послам, благосклонно выслушали краткие речи, произнесённые епископом и воеводою, и приняли от них верительные грамоты, присланные Владиславом IV. После этого, королю и королеве были представлены знатные польские шляхтичи, сопровождавшие послов на аудиенцию.

По окончании аудиенции, послы отправились в неверский дворец, к королевской невесте. Окружённая множеством принцев и принцесс Бурбонского дома, Мария-Людовика чрезвычайно вежливо встретила послов у самых дверей залы. Опалинский подал ей письмо короля Владислава, а епископ варминский поднёс ей, от имени жениха, бриллиантовый крестик, на котором было между прочим шесть камней невероятной стоимости. Приняв этот подарок, принцесса поручила стоявшему подле неё епископу оранскому поблагодарить послов и с большим вниманием выслушала их дальнейшие приветствия.

Мария-Людовика была в это время уже не первой молодости, ей было с лишком 33 года, но издавна распространившаяся в Польше молва о её редкой красоте оправдывалась ещё и доселе. Принцесса отличалась также кротостью характера, набожностью и благоразумием.

Откланявшись принцессе, послы удалились в вандомский дворец, а в воскресенье, 5-го ноября, была назначена свадьба. При этом случае нужно было представителю Владислава IV показать окончательно весь блеск своего огромного богатства. Опалинский с большим удовольствием готовился исполнить это, но к крайнему его огорчению брачный обряд должен был совершиться не с той пышностью, которую он ожидал встретить при этом торжестве. Свадьба будущей королевы польской была назначена не в соборной церкви и не в присутствии всего французского двора, как предполагал посол, но в небольшой дворцовой капелле, и при том только в присутствии самых близких родственников королевской фамилии. Пан Криштоф, раздосадованный и обиженный этим распоряжением, требовал, чтобы брак будущей королевы польской был совершен в Париже с подобающим великолепием. Королева Анна уклонялась от этого настойчиво, приводя между прочим, как причину неизбежного отказа, то обстоятельство, что в случае торжественного бракосочетания Марии-Людовики в присутствии всего двора, между принцами и принцессами королевского дома непременно возникнет спор за первенство и что это дело не так легко будет уладить, как кажется со стороны. Королева-правительница находила по этому нужным – не допускать на свадьбе Марии-Людовики присутствия всех принцев и принцесс королевской крови, а при этом условии уже никак нельзя было совершить брачный обряд в соборной церкви и при том с тою пышностью, которой так неотступно домогался подставной жених.

Говорят, впрочем, что правительница, отказывая королеве польской в торжественном бракосочетании, думала не о спорах принцев и принцесс за первенство, но совсем другое. Она хотела лишить супругу Владислава IV особенного почёта по иным причинам. Королева Анна была принцесса австрийского дома и ей было чрезвычайно неприятно, что король польский родился теперь, посредством своего брака, с принцессой Мантуанской, не с её домом, а с домом Бурбонов, неприязненным в ту пору Австрии.

Мелочная, женская придирчивость королевы Анны к будущей супруге Владислава дошла даже до того, что она не позволила невесте надеть во время свадьбы королевскую мантию, между тем как самое платье принцессы было сшито так, что без мантии оно должно было казаться чрезвычайно некрасивым по своему покрою. Невеста видела необходимость покориться воле правительницы. Вследствие всего этого, на свадьбу будущей королевы польской собралось в дворцовую капеллу, вместе с польским посольством, не более двухсот человек. Вся пышность, весь блеск, которыми Опалинский хотел при этом случае поразить французов, были почти напрасны: для малого числа свадебных гостей, и при том составленного большей частью из своих же земляков, казалось пану Криштофу неуместным выказывать всё своё богатство и нести столько издержек, сколько понёс их обманувшийся воевода.

Епископ варминский служил обедню, после которой совершилось бракосочетание. Воевода познанский, в кунтуше из серебряной парчи, отороченном дорогими соболями, заступал место короля около невесты, одетой в бело-серебристое глазетовое платье. После брачного обряда, епископ надел на Марию-Людовику королевскую корону, а правительница повела молодую за руку в залу, где был приготовлен обеденный стол. Во время обеда, Опалинский, как представитель короля, сидел рядом с Марией-Людовикой.

Брак принцессы Мантуанской сопровождался в Париже балами. Вот как между прочим говорит о них записка одной очевидицы:

«Сегодня было при дворе большое угощение, на котором было всё, что только можно достать из разных краёв в настоящую пору года. Королева польская послала воеводе Опалинскому серебряный поднос, наложенный обсахаренными померанцами, лимонами и конфетами. Она сумела это сделать с особенною прелестью; я сидела поблизости польского посла, – продолжает г-жа Мотвиль, – и могла заметить с какой важностью и с каким равнодушием смотрел он и на всё наше общество и на всё наше великолепие.»

По окончании пиров Мария-Людовика отправилась в Польшу. Бывшая тогда война в Голландии, распространившаяся и по побережью Балтийского моря, заставила польскую королеву делать большие объезды с прямой дороги. В продолжение четырёх с половиною месяцев пробиралась она в Варшаву среди метелей и снегов, необыкновенно изобильных в ту зиму. Только 9 марта королева въехала в свою столицу. Увеличение и без того уже огромного польского посольства значительною свитою королевы чрезвычайно затрудняло всех ехавших. С королевой было отправлено из Парижа чрезвычайное посольство, главой которого была жена маршала де Габриака. Во всех городах и во всех местечках, через которые проезжала королева польская, её встречали приветственными речами, музыкой, пальбой из пушек, а иногда подносили ей даже и ключи от городских или крепостных ворот. Все эти встречи и празднества ещё более замедляли и расстраивали обратное путешествие поляков из Франции на родину. Нередко королеве приходилось останавливаться на ночлеге в тесной и сырой келье какого-нибудь убогого монастыря, а воеводе познанскому, епископам и другим членам посольства приходилось искать убежища в какой-нибудь придорожной хатке. Здесь пышный воевода, в ужасной тесноте, преспокойно раскладывался с своими товарищами на соломе и спал богатырским сном.

В Гамбурге встретил Марию-Людовику королевский дворянин, посланный с письмом от Владислава, который беспокоился о своей жене. Не получая долгое время от своих послов никаких известий, король не только не знал, где находится его невеста, но ему не было даже известно выехала ли она из пределов Франции; а между тем Марии-Людовике нужно было поспешить своим приездом в Варшаву, так как, если бы она не приехала туда до 14 февраля, т. е. до заговения, то приходилось бы отложить совершение второго её брака с королём до конца великого поста или нужно было бы просить у папы особого разрешения на совершение брака в постное время. Очевидно было однако, что при всём старании королевского дворянина ускорить поезд Марии-Людовики, она по краткости оставшегося времени никак не могла поспеть

даже к самому крайнему сроку, так что самая удачная поездка должна была кончиться тем, что королева успела бы приехать перед заговением только в Данциг. Владислав сообразил это и потому захотел съехаться с Марией-Людовикой в этом городе, чтобы там самому обвенчаться с нею; но внезапные приступы жестокой подагры остановили короля на полдороге от Варшавы к Данцигу. С досадой король вернулся в свою столицу, сердясь на Опалинского за медленный привоз королевы.

Вернувшись в Варшаву, король послал к своей невесте посла с разными подарками, но здесь вышло обстоятельство, сильно огорчившее королеву. Королевский гонец вёз с собой множество шуб, шубок, меховых кофточек, муфт и тёплых шапочек. Присылка таких вещей королём Марии-Людовике, в зимнюю стужу, явно показывала ей как заботился Владислав о своей будущей супруге. С большой признательностью приняла королева эти подарки; особенно ей понравилась пунцовая бархатная шубка с золотыми пуговками, подбитая горностаем. Едва только королева надела на себя шубку, как на одном из её рукавов оказался маленький билетик с надписью сделанной рукою Владислава – «Для пани Экенберг». Королева не без изумления обвела глазами окружавших её дам и кавалеров и сбросила с себя шубку. Вскоре злые языки подсказали королеве, что та, для которой была назначена эта шубка, была и моложе и пригожее королевы, и что ей уже принадлежало сердце Владислава.

Открытие этой оскорбительной тайны сопровождалось слезами и рыданиями Марии-Людовики. Король, узнав об этом происшествии, ещё более рассердился на пана Криштофа. По мнению короля, подставной супруг королевы был чрезвычайно виноват в том, что он не сумел скрыть грешки её настоящего мужа. Такое воззрение Владислава на обязанность воеводы познанского вскоре подготовило последнему самую жестокую обиду, а обида эта отозвалась впоследствии даже и в делах государственных.

Не зная ничего о гневе Владислава, Опалинский продолжал ехать в Варшаву, лаская себя приятными надеждами на получение двух маршалств и богатых староств. Вскоре, однако, пан Криштоф разочаровался в своих розовых мечтах.

На границе владений курфюрста бранденбургского, тогдашнего вассала Польши, встретила Марию-Людовику торжественная депутация. С изумлением увидел воевода познанский, что во главе этой депутации находится, с маршалским жезлом в руке, воевода поморский Денгоф, бывший его товарищ по посольству в Париж и успевший прежде Опалинского приехать в Варшаву. Явившись перед королевой, Денгоф подал ей свой маршалский жезл, украшенный брильянтами, и сказал королеве, что хотя звание маршала её двора и пожаловано ему королём, но что он почёл бы себя ещё более счастливым, если бы её величеству угодно было из собственных рук передать ему знак маршалского сана.

Побагровел от гнева Опалинский; у него захватило дух в ту минуту, когда королева, не знавшая обещаний, сделанных Владиславом Опалинскому, с благосклонной улыбкой передала маршалский жезл его счастливому сопернику. Ясно было пану Криштофу, что теперь и все прочие обещания короля были ничего более, как только пустою приманкой.

С большой неохотой провожал теперь воевода познанский свою временную супругу и очень был рад, когда в Данциге, на смену ему, подъехал брат Владислава, Кароль. Воевода отъехал теперь на время в своё близлежавшее имение и только под самой Варшавой присоединился снова к поезду королевы.

Владислав успел между тем получить разрешение св. отца на совершение брака в течение поста, и потому, 11 марта, в костёле св. Яна, папский нунций обвенчал короля с Марией-Людовикой. По случаю поста не было никаких празднеств.

В благодарность же за посольство в Париж, король пожаловал Опалинскому богатое ковельское поместье, в воеводстве волынском, и оставил за ним старобство, принадлежавшее его отцу, и таким образом щедро вознаградил издержки, понесённые Опалинским во время его посольства. Но не такой награды желал воевода познанский, богатый сам по себе и без

королевских даров. Он не мог простить королю отдачу маршальского жезла Денгофу. Оскорблённый магнат удалился от двора в свои родовые поместья и поклялся в душе отомстить неблагодарному Владиславу при первом удобном случае.

Опалинский исполнил свою клятву.

Нитка жемчуга

Ещё в начале нынешнего столетия, в одной из самых живописных местностей Галиции, стояли тёмно-красные стены Белокамского замка, но обвалившиеся башни и груды кирпичей в разных местах предвещали скорое обращение этого замка в совершенные развалины. Заглохший сад, из густых вековых лип и высоких каштанов, окружал замок на большом пространстве. В этом саду виднелись ещё следы цветочных клумб, расположенных в виде гербов и именных шифр прежних обладателей опустелого замка. В ту пору казалось, что сада не расчищали, а строений не поправляли со времени первого их владельца.

В одном из нижних этажей оставленного всеми замка было небольшое окно с железной решёткой и с вывалившеюся рамою. Из этого окна веяло могильною сыростью, а в той обширной, со сводами, комнате, которую оно так слабо освещало, совершилось некогда страшное, кровавое мщение.

Лет за сто назад до настоящего времени Белокамский замок принадлежал князьям Радзивиллам. В нём жила в ту пору жена Кароля Радзивилла, известного во всей Литве и Польше под именем "Panie kochanku". Молодая и красивая собой княгиня была отрасль одного знатного, гетманского рода: и отец и дед её были великими гетманами.

Вышедшая неохотно замуж за Радзивилла, княгиня ветрено проводила свою жизнь; она без устали веселилась в Варшаве при дворе Понятовского, в то время когда муж её, отъявленный противник офранцуженного короля, разъезжал по любимой им Литве, готовя там недругов Станиславу-Августу. Ещё более закружилась лёгкая головка княгини, когда "Panie kochanku", преследуемый королём, должен был уехать за границу и скитаться там, как изгнанник. Княгиня несколько не горевала о своём муже; была в самых дружеских отношениях с главным врагом его – с королём, и, как говорила молва, передавала даже обворожительному для женщин Понятовскому все письма, получаемые ею от князя, в которых добродушный "Panie kochanku" сообщал жене все свои замыслы, не подозревая её измены.

Наконец изгнание князя прекратилось и он вернулся в родную Литву. Князь поселился в любимом им Несвиже, а княгиня между тем жила в Белокамском замке и ездила веселиться в Варшаву. Вскоре дошли до Радзивилла положительные слухи о том, как проводила время его жена, и он отправил к ней одного из служивших при нём шляхтичей.

Лежащие теперь в развалинах стены Белокамского замка были в ту пору немymi свидетелями волокитств и исканий около молодой и хорошенькой женщины, жившей в разладе с своим мужем. Они были также свидетелями и её ветрености, и её шалостей, и её непостоянства. В ту пору легко было подслушать в замке и звонкие поцелуи, и страстный шёпот, и сдержанные вздохи и весёлый смех беззаботной грешницы. Можно было подсмотреть в ту пору в Белокамском замке и смущение волокит, оставшихся ни при чём, и торжество счастливых, успевших овладеть сердцем красавицы. Толпа отборной варшавской молодёжи постоянно то вздыхала, то смеялась около обворожительной ветреницы. Нередко в замке бывали роскошные пиршества, при громких звуках княжеской музыки. На эти пиршества съезжалось к княгине столько гостей, что они занимали не только обширный замок, делавшийся тесным при таких наездах соседей, но и с трудом размещались во всех окрестных избах и лачужках.

В конце одного из таких пиров попал неожиданно в Белокамский замок шляхтич Чешейко, посланный князем к княгине. Все дороги, шедшие от замка, были запружены в это время гостями, разъезжавшимися от княгини. Между роскошными колымагами и простыми бричками с трудом пробрался Чешейко до ворот княжеского замка. Здесь встретил его старый слуга радзивилловского дома и откровенно рассказал приезжему шляхтичу о грешном житье своей пани. Посланный князя крепко призадумался при этом рассказе.

Надобно заметить, что не только поручение Радзивилла, но и сердце молодого шляхтича заставило его побывать в Белокамском замке. Здесь при княгине жила хорошенькая шляхтяночка панна Саломея, на которой хотел жениться Чешейко и только нужда мешала ему достигнуть желанного счастья.

Панна Саломея сидела за пальцами в то время, когда в её чистую горенку неожиданно подкрался Чешейко. Он тихо кашлянул позади её, она оглянулась, вскочила, вскрикнула и вспыхнула вся, как вспыхивает розовую зарёю вечернее небо. Саломея бросилась на шею жениху, начались расспросы и ответы. Влюблённые не успели ещё наговориться, когда к ним в комнату вбежал запыхавшийся слуга.

– Панна Саломея, – кричал он, – у тебя есть гость, которого княгиня сейчас же хочет видеть.

– Верно меня зовёт княгиня, – отозвался Чешейко, и крепко поцеловав невесту пошёл следом за слугою. Шляхтич проходил теперь чрез длинный ряд обширных покоев; толпа прислуги, суетившаяся ещё за уборкою множества столов, показывала, что княгиня жила без мужа среди весёлого и многолюдного общества.

Приосанившись и поправив свои усы, молодой и статный шляхтич вошёл смелым шагом в богато убранную опочивальню княгини. Здесь княгиня, в лёгком полувоздушном платье, лежала на софе, как будто отдыхая после сильной усталости. Приветливо она поздоровалась с вошедшим шляхтичем и протянула к нему, для поцелуя, свою белую ручку. Желая задобрить мужниного посланца, княгиня теперь сама, по своей воле, награждала бедного шляхтича такой лаской, которой так усиленно добивалась у красавицы сама блестящая молодёжь Варшавы. При множестве безотходных волокит около княгини, считалось особенным счастьем даже и то, если удавалось иному насладиться поцелуем её ручки. Но эта хорошенькая ручка не прельстила молодого шляхтича; он стоял молча перед княгиней, покручивая одной рукой свой ус, и поддерживая другой свою саблю. Казалось, что шляхтич вовсе не замечал приветливой ласки, оказанной ему знатною пани.

– Садись здесь, подле меня, – нежным голосом сказала княгиня равнодушному гостю, показывая ему рукою на позолоченное кресло.

Шляхтич сделал несколько шагов вперёд, пристально смотря на княгиню. Её пышная красота, в полном разгаре цветущей молодости, взяла верх над суровостью шляхтича, он не утерпел, и низко поклонившись княгине, схватил её ручку и невольно, но крепко поцеловал её.

– Ты приехал сюда прямо от моего мужа? – спросила княгиня, насупив немножко свои тоненькие брови над глазками, покрытыми блестящей паволокой.

– Прямо от князя, яснееосвещённая пани, – отвечал отрывисто шляхтич, желая со всей неумолимой строгостью исполнить данное ему поручение, а между тем бессознательно растерявшийся под обаятельным взглядом красавицы.

– А что, есть от князя письмо?

– Письма от князя нет никакого, он дал мне только одну записочку, да словесные поручения к вашей княжеской чести.

– Это значит, что он сделал тебя своим уполномоченным... – перебила с презрительной насмешкой княгиня. – Нечего сказать, хорошо поступает со мною мой достойный супруг!.. Он бросил меня на произвол судьбы, а сам, как говорится, гоняет ветер в поле или веселится напропалую и без толку проматывает своё состояние, а между тем ещё сердится на меня за то, что я просила короля назначить над ним опеку!..

При этих словах кровь прилила к лицу честного шляхтича. Он удержал однако порыв своего гнева. Сперва он закусил губы, а потом, спокойным и ровным голосом, принялся отвечать княгине против её нападок на князя.

– Сколько я мог заметить, – возразил шляхтич, – супруг вашей княжеской милости находится в полном рассудке, и поэтому никакой опеки учреждать над ним нет надобности... Он

честно служит родине своей кровью и, как я знаю, готов служить ей и последним грошем, который у него останется после забора его имений по королевскому повелению... Сам же князь вовсе не веселится: ему теперь не до того, но он только угощает своих приятелей и гостей, в благодарность за их доброе расположение...

– Хорош мой защитник и покровитель!.. – запальчиво перебила княгиня, – он даже никогда не бывает у себя в доме!

– Бывает ли он у себя в доме или нет, это всё равно для вашей княжеской милости, – сурово заметил шляхтич. – Знайте, ясная пани, только одно, что где бы князь ни был, он всегда и везде дорожит честью своей супруги, и я приехал сюда за тем, чтобы забрать с собою того, кто, живя в здешнем замке, вредит доброй молве о вашей княжеской милости...

Побледневшая от злости княгиня вздрогнула и бросила грозный, заискрившийся взгляд на смелого шляхтича.

– Может быть ты и мне лично привёз какое-нибудь приказание?.. – прерывающимся от гнева голосом спросила княгиня; и в это время её высокая грудь то поднималась, то опускалась, под лёгкой, полупрозрачной тканью.

Чешейко молчал, смотря не без волнения на раздражённую красавицу.

– Что же! говори! – настойчиво сказала княгиня.

– Если вашей княжеской милости угодно было самим заговорить об этом, то я должен передать вам желание князя, чтобы его супруга, для прекращения недоброй о ней молвы, немедленно пошла на житьё в монастырь, как это обыкновенно делают все наши знатные пани, когда мужья их отправляются в далёкий поход...

– Ты забываешь с кем говоришь!.. – с гневом вскрикнула княгиня. – Я дочь и внука гетманов, я сама сумею сберечь свою честь!..

И княгиня, в припадке запальчивости, схватилась за хрустальный графин.

Чешейко слышал уже не раз о том, до какой степени забывалась своенравная княгиня в порывах сильного раздражения. Шляхтич смекнув, что самая крошечная, самая беленькая ручка может в сердитую минуту хорошо хватить графином по лбу, уклонился немного в сторону, а княгиня между тем, опомнившись от излишней вспышки, начала наливать из графина в стакан воду и выпила её до последней капли, желая показать, что она вовсе не думала вооружаться графином.

– Разве со мной можно распоряжаться так, как распоряжаются с простой служанкой?.. – надменно спросила она у шляхтича, уставив на него свои большие, огненные глаза.

– Я не имею никакого права рассуждать об этом, – кротко заметил шляхтич, кланяясь почтительно княгине, – моё дело – исполнить только приказание князя.

– Наперёд однако тебе следовало подумать, удастся ли ещё исполнить такое приказание... – перебила княгиня.

– Я думаю, что удастся, – спокойным голосом возразил шляхтич, брякнув саблей.

– Так ты в самом деле думаешь, что тебе удастся исполнить то, зачем ты сюда прислан? – с гордостью и с изумлением спросила княгиня, и её громкий, судорожный смех раздался на всю комнату. – Нет этого никогда не будет!.. – добавила она, топнув о ковёр своей маленькой ножкой и погрозив шляхтичу беленьким пальчиком.

Шляхтич не возражал ничего; он только самоуверенно поглядывал на княгиню.

– Поверь, что ни ты, ни князь ничего мне не могут сделать: у меня найдутся заступники, – проговорила княгиня после некоторого молчания.

Затем она прошлась несколько раз по комнате, в сильном волнении; потом остановилась перед уборным столиком и взяла с него небольшой ящичек, обтянутый пунцовым бархатом. Княгиня открыла ящик и под её тоненькими пальцами заблестели, заискрились и радужно заиграли крупные бриллианты. С этим ящичком в одной руке подошла княгиня к Чешейко, а другую руку положила она ему на плечо.

– Ты должен знать, мой милый, – сказала она ему своим серебристым и вкрадчивым голосом, – ты должен давно знать, что силой со мной ничего не сделаешь и что со мной можно сладить только уступчивостью. Рассуди сам хорошенько – к чему может повести нас домашняя ссора?.. Если я уйду в монастырь, то разве будет честь князю за то, что он одолел слабую, беззащитную женщину? Сообрази сам и то, какая будет при этом польза и тебе самому?.. Чем может наградить тебя князь, если в скором времени он сам, как изгнанник, лишится всего и останется без куска хлеба?.. Ведь ты знаешь, что у него уже отняты все его литовские имения за восстание против короля...

– Всё это я очень хорошо знаю, ваша княжеская милость, – твёрдым голосом отвечал шляхтич, – но не смотря на это я всё-таки до конца хочу остаться верным своему доброму пану.

– Это очень похвально, – с живостью и досадой перебила княгиня, – но вспомни, однако, что панна Саломея, которую ты так любишь, никогда не пойдёт замуж за такого бедняка, каков ты... Что у тебя есть?..

– Я и сам не захочу заставить её делить мою нужду, и до тех пор я не женюсь на ней, пока кое-как не устроюсь.

– Вот видишь!.. – с радостью подхватила княгиня, и с этими словами она вынула из ящичка нить чудного жемчуга ослепительной белизны и распустила эту нить перед глазами шляхтича. – Ты знаешь этот жемчуг? – спросила она Чешейко.

– Знаю; это наследственная драгоценность княжеского рода Радзивиллов, и она не должна никогда и ни в каком случае выйти из него... Впрочем, – добавил шляхтич, вынимая из шапки лоскуток сложенной бумаги, – вместе с поручениями, уже переданными вашей княжеской чести, я имею ещё приказание князя – взять от вас этот жемчуг; – и с этим словом он подал княгине доверенность князя на получение наследственного сокровища.

Княгиня взяла записку мужа, а между тем шляхтич протянул руку к жемчугу и выхватил нить из рук княгини. Княгиня крикнула в ужасе, увидя, что она лишилась самой главной драгоценности. Шляхтич не обратил никакого внимания на крик княгини и спокойно положил за пазуху драгоценную вещь, с тем, чтоб немедленно отвезти её к князю. Княгиня с изумлением смотрела на Чешейко, который, почтительно поклонясь ясновельможной хозяйке, вышел из её опочивальни, попросив княгиню уведомить князя о том, что она уже передала жемчуг его посланному.

Заискрились глаза молодой женщины и задрожали её розовые ноздри по выходе Чешейки.

– Теперь ты пропал, безумец!.. – проговорила она с какой-то дикой радостью, разорвав в мелкие кусочки записку князя о выдаче жемчуга его поверенному. – Ты узнаешь что значит оскорблять женщину и отнимать у неё того, кого она любит!..

Княгиня кликнула Саломею и приказала ей позвать, как можно скорее, пана Кулешу.

Через несколько минут, в спальню княгини вошёл впопыхах чрезвычайно красивый и статный мужчина, который, как гласила молва, пользовался особенным и притом постоянным расположением молодой княгини. Она изменяла всем своим любимцам, кроме одного пана Кулеша.

Спустя немного времени после этого выехал из Белокамского замка Чешейко, радуясь тому, что он успел по крайней мере исполнить хоть одно поручение своего пана, имея дело с такой неуступчивой и вспыльчивой пани, какова была княгиня. Чешейко надеялся получить от князя новые наставления и в скором времени опять побывать в замке и исполнить приказание на счёт выпроводов оттуда Кулеша.

Прощаясь с своим женихом, пани Саломея дала ему поцеловать одну ручку, а другою благословила его, желая отворотить от него своим благословением всякую беду и напасть. Теперь Чешейко ехал, опустив поводья, и думал о своей хорошенькой невесте.

Долго после отъезда Чешейки толковали между собою, при запертых на задвижку дверях, княгиня и её любимец. Когда же окончилась эта задушевная беседа, то доверенный княгини опрометью побежал вниз.

– Только, ради Бога, будь осторожнее, – кричала ему вслед умоляющим голосом княгиня. – Он, как видно, человек отчаянный!.. Будет защищаться упорно...

Выбежав во двор, Кулеша созвал всех слуг и торопливо начал отдавать приказания. Во всём замке поднялась ужасная тревога: шумели, суетились, кричали, седлали лошадей и заряжали ружья. Казалось, что в замке ожидали нападения сильного неприятеля. Когда же всё было готово, то пан Кулеша, с обнажённою саблею, сел на коня.

– Гей, хлопцы!.. За мной!.. – крикнул он громко и с этими словами пустился по дороге, по которой ехал Чешейко; а следом за Кулешой помчались казаки.

Говор и шум продолжался однако в замке и после этого. Среди общего переполоха все громко говорили о том, что приехавший от князя шляхтич украл у княгини нить жемчуга, которая имела неимоверную цену.

Скоро пан Кулеша с своими казаками нагнал Чешейко. Обороняться было некогда, да при том доверенный князя не чувствовал за собою никакой вины. Спустя несколько часов везли Чешейку в Белокамский замок связанного по рукам и ногам. Шляхтич лежал теперь в бричке, а подле неё, с молодецкой осанкой, ехал Кулеша, держа в руке драгоценную нитку жемчуга, которая, в присутствии казаков, как свидетелей, была найдена за пазухой у Чешейки.

– Я не хочу мстить ему сама, – сказала с презрительным равнодушием княгиня, принимая жемчуг из рук Кулешы, – но я не желаю однако оставить без наказания его низкий поступок: пускай суд определит ему наказание...

По приказанию княгини было сделано в трибунал надлежащее повешение о поступке Чешейки, а между тем бедный, ни в чём невиноватый шляхтич был посажен в подвал Белокамского замка.

Ужаснулась панна Саломея, когда узнала, что жених её обвинён в краже; бедная девушка не выдержала этого удара и впала в страшную горячку. Скоро начался над Чешейкой суд. Законы польские не давали потачки ворами и мошенникам, а между тем никакие оправдания Чешейки не принимались в уважение, потому что улики в краже были очевидны и бедняга был приговорён к отсечению головы. Узнав об этом приговоре, княгиня распорядилась, чтоб её служанки сшили для приговорённого к казни смертельную рубашку. Заливаясь слезами и громко рыдая исполнили они приказание своей жестокосердой госпожи. Как помешанная смотрела на всё это панна Саломея, не сознавая ясно того что вокруг неё делалось.

Когда окончательно состоялся смертный приговор, то нужно было привести его в исполнение; во всём околотке нельзя было найти палача. Как ни был предан княгине её любимый наперсник, пан Кулеша, но он как шляхтич не мог взяться за ремесло палача. Пошли искать охотника по окрестным деревням, но ни один крестьянин не хотел сделаться палачом, хотя тому, кто вызвался бы отрубить голову Чешейко, предлагалось за это увольнение от барщины на всю жизнь. Наконец, не в близком от замка местечке, выискался один какой-то мясник, который, под пьяную руку, и отхватил в тёмном подвале голову несчастному шляхтичу...

После гибели жениха, панна Саломея ушла в какой-то далёкий монастырь и вскоре замолк на веки в Белокамском замке слух о бедной девушке...

Польское правительство, до которого дошла весть о кровавой расправе с Чешейко, приказало по просьбе его родственников как можно строже исследовать это тёмное дело. Княгине и её любимцу начинала теперь грозить нешуточная опасность, но обстоятельства изменились в их пользу, потому что в это время австрийские войска заняли Галицию и здесь начался новый порядок...

Княгиня поспешила в Вену и там стала посещать беспрестанно дворцовую капеллу. Богомольную императрицу поразила необыкновенная набожность молодой женщины. Вскоре при-

шло из Вены приказание – прекратить все розыски о смерти Чешейки, а спустя несколько времени, на плече преступницы-богомолки заблестали брильянтовые знаки ордена Марии Терезии.

Судьба однако покарала княгиню. Разведшись с князем, она вышла потом замуж за какого-то бездомного француза, и в глубокой старости эта представительница знаменитого гетманского рода, отвергнутая всеми, скиталась около Белокамского замка, питаясь скудным подаванием.

Вызов родственников

В одном из значительных польских местечек был храмовой праздник. Множество разных колымаг, бричек и повозок загромаждали большую костельную площадь, обсаженную высокими пирамидальными тополями. В местечко съехались на праздник и богатые паны с их многочисленной челядью; сюда добрался также на своей маленькой тележке и соседний мужичок с женой, у которой, по случаю праздника, был надет на голове шёлковый платочек, а на шею висели янтарные бусы. И муж и жена ехали на праздник, сидя в тележке на большой вязанке льна, который был бел как снег и который они везли ксэндзу, как церковную десятину. На возу сидели с отцом и с матерью их пухленькие, розовые дочки.

Толпы набожных пешеходов валили гурьбой в местечко. В местечке же на рыночной площади стоял ряд толстых столбов; у каждого из столбов, соединённые между собою близким родством, небогатые шляхтичи привязывали своих лошадей и никто из посторонних не смел прикоснуться в такому столбу, назначенному только для известного семейства.

После обедни, шляхтичи, прихожане и все почётные гости были запрошены на обед к отцу-плебану, перед домом которого, под ясным летним небом, расположилось множество народа, весело проводя время.

Между собравшимися у отца-плебана соседями шёл обычный разговор о погоде, о посевах и о разных случаях, бывших недавно в околотке.

– А что ж, пан Матеуш, когда же поедешь получать наследство?.. – спросил какой-то старичок одного, очень скромно, но чисто одетого шляхтича, бывшего в числе гостей.

– А вот Господь Бог даст, так и выберусь недельки через три, – отвечал смиренно тот, к кому относился этот вопрос. – Ещё не все нужные бумаги успел подобрать.

Пан Матеуш приятно улыбнулся. Самые отрадные мечты промелькнули в его голове, под длинным чубом, на котором пробивалась уже седина.

Между тем гости, по приглашению радушного хозяина, принялись за закуску. Разговор делался и шумнее, и веселее, и оживлённее. Толковали о разных разностях, но всего чаще затрагивали гости пана Матеуша Буйницкого, добродушно подшучивая над тем, что он, после своей поездки в замок своего соимённого, кастеляна Буйницкого, сделается богатым и могущественным магнатом.

Заметно было, что этого рода шутки не только что не обижали бедного шляхтича, но что, напротив, они радовали его.

– Смейтесь, смейтесь, – думал про себя пан Матеуш, – а послушаем что заговорите вы, когда ко мне на самом деле перейдёт всё огромное богатство кастеляна.

Долго продолжался пир у отца-плебана. Наконец гости, поблагодарив хозяина за угощение, отправились по домам. Вместе со всеми поехал, в своей простой одноконной бричке, и пан Буйницкий. Спустя же дней десять по возвращении с праздника, пан Матеуш, на той же самой саврасой лошадке и в той же самой бричке, отправился в далёкий путь, в замок кастеляна Буйницкого.

Пан Владислав Буйницкий, кастелян санокский, владетель Буйничков, Овражков, Наровча и других огромных поместий, считался во всём своём околотке первым паном. Жил он в обширном старинном замке, ездил на сеймики и сеймы в сопровождении множества прислуги и сторонников, которых он, как бы их много ни было, угощал на серебряной и золотой посуде. Все сенаторы и сам король, Ян-Казимир, заискивали доброго расположения у богатого магната. К нему-то и пробирался теперь его однофамилец, со множеством разных бумаг, тщательно зашитых в грубую холстину и запрятанных за пазуху под кунтушем.

Пан кастелян, несмотря на свою знатность и на свои несметные богатства, не был однако доволен судьбою. Не радовался он и тому, что около него расцветало шесть прехорошень-

ких дочерей, которые резвились около него, как резвятся пёстрые бабочки. Тяжёлые и грустные думы постоянно одолевали могущественного кастеляна. С грустью проезжал он по своим обширным владениям, подумывая о том, что всё это разделится на части после его смерти и что скоро в его родной стороне угаснет навеки знаменитое имя Буйницких.

Желая иметь наследников этого имени, пан Буйницкий ещё в молодых годах женился на бедной девушке, происходившей, впрочем, из славного рода. Кастелян, по-видимому, был очень счастлив в супружеской жизни, потому что Бог послал ему жену кроткую, благоразумную и привязанную к нему всем сердцем. Меньше чем через год она родила ему дочь. Насупился пан Буйницкий при этой вести; но делать было нечего, и он пышно справил крестины новорождённого ребёнка.

Прошёл ещё год. С нетерпением ждал пан Буйницкий, кого подарит ему супруга – сына или дочь, и крепко огорчился он, когда узнал, что в замке его явилась на свет новая девочка. Минул ещё год – и у пани Буйницкой родилась опять дочь; – не вытерпел муж и принялся журить жену, зачем она не дарит ему сына. В следующем году прибыла пану четвёртая дочь – и он рассердился до такой степени, что даже не захотел взглянуть на новорождённую малютку. Спустя год, новая прибавка в семействе Буйницкого – и опять дочь. Вспылил кастелян, обманувшись в своей надежде иметь наследника, и приказал отправить ребёнка, вместе с мамкой, на фольварк.

В течение следующего года пан кастелян, смотря на свою всё более и более полневшую супругу, предавался самым радостным мечтам. Он воображал как будет ласкать маленького сына, как он вырастет и будет славным наездником и лихим рубакой, как он женит сына, как у него пойдут внуки и как таким образом, надолго, если не до конца мира, будет продолжаться древний род кастеляна.

Обманчивы были однако надежды тщеславного пана, потому что когда явился у него в доме седьмой младенец, то оказалось, что вместо ожидаемого сына послал Господь кастеляну ещё новую дочь. Не вытерпел этого обманувшийся отец; он заскрежетал от гнева зубами, схватился в отчаянии за голову и приказал новорождённое дитя отправить в дальнюю деревню и там воспитывать её, как простую крестьянку.

Между тем время шло своим чередом; кастелян и его супруга старели, а дочери их росли и хорошели. Умилостивившийся кастелян вернул в свой замок двух последних дочерей, высланных им из его дома; но всё же он не любил своей семьи так, как он любил бы её, если бы среди её выростал наследник его имени и его богатства. Особенно доставалось за дочерей бедной супруге. Раздражённый кастелян постоянно укорял её за то, что она произвела столько дочерей, как будто она в самом деле была виновата в том, что не имела сына.

Досадуя на жену, кастелян стал подумывать, что не худо бы было развестись с нею и жениться на другой, чтобы хоть этим способом добыть себе наследника. Но как он ни ломал голову над тем, чтобы выискать или выдумать какую-нибудь причину к разводу, он не мог ничего придумать, так как сожительница его была женщина безукоризненная во всех отношениях и представляла собою образец всех супружеских добродетелей. Суетный кастелян не унимался однако; он попробовал было заикнуться о разводе перед епископом, но правдивый и строгий пастырь не только что дал ему хороший духовный нагоняй за его грешные расчёты, но и погрозил ещё ему Божией карой, если только он позволит себе обидеть ни в чём не виноватую супругу.

После этого кастелян оставил мысль о разводе. Боязнь несчастий в земной жизни и страх адских мук в будущей отбили у набожного пана мысль о разводе, и он стал добывать себе наследника другим способом. Он призывал к себе на совет и лекарей, и учёных, и знахарей, и баб, слывших в народе ворожеями и колдуньями. Он ездил с женою на богомолье по разным монастырям, молился, постился, раздавал убогим щедрую милостыню и делал богатые вклады по разным костёлам. Ничего однако не помогало.

Кастелян тужил невыносимо, а между тем время шло своим чередом, дочери кастеляна росли и год от году становились всё краше и краше.

– Постой же, – подумал пан Буйницкий в одну из самых тяжёлых минут, – построю я на свой счёт церковь, а подле неё монастырь и поселю в нём святых отшельников... Даю также Всевышнему обет, – добавил с набожным чувством кастелян, – что если у меня после этого родится сын, то я всех моих дочерей отдам в монастырь, пусть молятся они за того, кто будет продолжать наш знаменитый и древний род!..

В скором времени съехались в замок кастеляна лучшие архитекторы и живописцы; долго толковал он с ними о том, как бы великолепнее и богаче построить храм и монастырь во славу Божию. Когда же художники решили этот вопрос, то поблизости замка закипела деятельная работа: толпы каменщиков, плотников, маляров и штукатуров безостановочно трудились над постройкою церкви и обширных монастырских зданий. Кастелян не жалел ничего, и так как, несмотря на всё его богатство, у него не хватило разом наличных денег на такие огромные расходы, то он заложил два поместья и продолжал строить монастырь на занятые деньги.

На другой год, среди тёмной зелени соснового леса, белелись уже высокие башни костёла и стены монастырских зданий. Когда же всё было готово, то сам местный епископ освятил новый костёл. В твёрдой надежде иметь наследника своего имени и своих богатств, кастелян отпраздновал освящение храма с необыкновенным великолепием. Съехавшиеся в замок гости не могли надивиться огромности костёла, его яркой позолоте и множеству резных и лепных украшений, исполненных с большим вкусом и необыкновенным изяществом. Спустя год в новоотстроенном монастыре поселились монахи кармелитского ордена. Строитель монастыря, наделив братию угожьями, лесами и рыбными ловлями, поставил им в непрременную обязанность, чтобы они и день и ночь молили Господа Бога о даровании ему сына.

Прошло ещё несколько времени, но ожидание кастеляна не исполнилось. Он уже не совсем благосклонно начал посматривать на святых отцов, приписывая свой неуспех их не слишком усердным молитвам и понуждал их молиться и почаще и подольше и поприлежнее.

Нельзя описать гнева кастеляна, когда после самых сладких его надежд и даже заготовления колыбельки с гербами его фамилии для новорождённого сына, у него родилась восьмая дочь. Задыхался от злобы обманувшийся кастелян; он не взглянул даже на свою дочь и приказал отправить малютку на самый отдалённый фольварк, с тем чтобы никогда не смели даже говорить о ней в его присутствии.

Истощив все усилия для того, чтобы видеть своего наследника, кастелян наконец убедился, что он навеки лишён этого счастья; тем не менее он всё-таки не отставал от мысли – продолжить как-нибудь мужское колено своего рода. Теперь кастелян засел над гербовниками и кипой фамильных бумаг. С большим напряжением перечитывал он и гербовники и бумаги, желая найти где-нибудь отрасль своего рода с представителем её по мужскому колену.

– Пусть бы только найти мне какого-нибудь пана Буйницкого нашей древней крови, – рассуждал сам с собою кастелян, – и будь он хоть стар, хоть урод, хоть нищ, хоть калека, но я предоставлю ему выбрать в жёны любую из моих дочерей. Пусть женится на ней и продолжает наше знаменитое имя... Что за беда, если мой дальний родственник и однофамилец принадлежит к самой убогой шляхте: у меня много богатства и я его сейчас сделаю знатным паном... Мне только нужна настоящая кровь Буйницких!..

Как однако ни рылся кастелян в гербовниках и в пыли домашнего архива, он всё-таки никак не мог напасть на такие следы, которые указали бы на существование мужской отрасли его рода в Польше или Литве. Суетный кастелян доходил до отчаяния и решительно не знал что ему делать.

– Настоя же я на своём! – сказал он в припадке сильного гнева, ударив кулаком по столу, – во чтобы то ни стало, а я достану себе пана Буйницкого!..

Спустя несколько дней после этого, из замка кастеляна выехали во все стороны нарочные гонцы. Один из них поехал отыскивать какого-нибудь папа Буйницкого в Мазовии, другой в Куявии, третий на Волыни, четвёртый на Подоле, пятый в Литве.

С нетерпением ожидал теперь кастелян возврата своих посланных, подумывая о том, какого-то они привезут ему родственника. Уже несколько гонцов возвратились в замок и донесли кастеляну, что несмотря на все свои усилия они не могли отыскать его родственника и однофамильца. С горестью покачивал кастелян головою, выслушивая эти недобрые вести.

Однажды, когда он в глубокой задумчивости сидел у окна, посматривая на заходившее солнце и думая о том, что вскоре, подобно солнцу, угаснет и его знаменитый род, он увидел, что во двор замка въезжал какой-то бедный шляхтич на саврасой лошадке, запряжённой в простую бричку. Шляхтич смело подъехал к самому крыльцу замка, слез с брички и взошёл на крыльцо. Кастелян подивился такой бесцеремонности бедного гостя в доме богатого пана. Но удивление кастеляна обратилось в восторг, когда вбежавший к нему в комнату слуга громко крикнул:

– Пан Матеуш Буйницкий, вельможный родственник ясновельможного пана кастеляна, приехал к его милости, нашему пану!..

Обрадованный кастелян обезумел от неожиданной радости. Крепко он обнял и чуть не задушил в своих объятиях желанного гостя, которым кастелян дорожил теперь до такой степени, что тотчас же приказал снять с его брички колёса, разобрать гати, сломать мосты и перекопать дороги, опасаясь чтобы драгоценный гость не уехал как-нибудь из его замка, не порешив дела о продолжении его знаменитого рода.

Нужно ли говорить о том, как угощал кастелян пана Матеуша, который не мог надивиться великолепию замка, множеству слуг и громаде золотой и серебряной посуды. Бедный шляхтич не мог дать себе о своём положении никакого отчёта, когда кастелян, рассказав ему о всех своих богатствах, объявил, что все они перейдут к нему, если только он захочет жениться на одной из дочерей кастеляна. Всё что видел и слышал теперь пан Матеуш ему казалось каким-то волшебным сном, и он каждую минуту боялся, чтобы не пробудиться от этого чудесного сна.

– Староват он для моих дочерей, – думал про себя кастелян, смотря на своего соимённого, у которого во время неблизкой дороги успела уже показаться щетинисто-седоватая борода, – да это ничего, дети всё-таки будут!.. Ну, дорогой мой родственник, – сказал кастелян, обращаясь к пану Матеушу, – примемся теперь за дело и посмотрим от какой линии нашего рода явился ты на свет...

Шляхтич вынул из-за пазухи привезённые им бумаги и положил их на столе перед кастеляном, который стал перечитывать их с чрезвычайным любопытством. Пан Матеуш, не без сильного биения сердца, внимательно следил за каждым движением своего будущего тестя.

– А это, брат, что значит?.. – спросил вдруг суровым голосом кастелян, и с этими словами он грозно посмотрел на шляхтича. У последнего дрогнули от страха колени.

– Как же ты можешь происходить из того же рода Буйницких, из которого происхожу я, если мой род ещё за полтора года разделился на отрасли, которые теперь уже угасли, а между тем из этих бумаг видно, что предки твои за сто восемьдесят лет владели таким поместьем, которого никогда в нашем роде не бывало... Ты не нашей крови!.. – громко крикнул кастелян, швырнув в сторону все бумаги, представленные ему его соимёнником.

Оробевший пан Матеуш хотел было пуститься в объяснения.

– Гей, люди! – крикнул взбешённый кастелян, – взять этого самозванца и отсчитать ему пятьдесят батогов!..

Приказание пана было исполнено в точности. Все золотые мечты разлетелись в пыль и прах в голове бедного шляхтича...

Спустя несколько часов он тянулся обратно домой на своей саврасой лошадке, с трудом пробираясь по разобранным гатям, сломанным мостам и перерытым дорогам, проклиная и

свою поездку и радушную встречу кастеляна, вследствие которой не было теперь проезда по дороге.

Забилось радостью сердце шляхтича, когда он наконец увидел вдалеке родную соломенную кровлю. Ему представилась его прежняя тихая жизнь – без роскоши, и без пышности, но зато не лишённая отрады и довольства, и теперь он даже поразился в душе, что не состоялась его свадьба с дочерью надменного кастеляна.

– Что сделал бы со мной, – подумывал не без ужаса шляхтич, – если бы и у меня, как у него, не было сыновей?.. – и холодная дрожь пробирала пана Матеуша при этой мысли.

Заговорили все в околотке о приезде пана Буйницкого.

– Ну что? – спрашивали его при встрече соседи, – устроилось дело?..

– Нет не совсем ещё, – неохотно отзывался шляхтич, при грустных воспоминаниях об исходе своей поездки.

– А что же...

– Нашлись другие, ближайшие родственники... – бормотал себе под нос пан Матеуш.

– А много их?..

– Да я насчитал их до пятидесяти, – отвечал шляхтич, вспоминая невольно о числе батогов, отпущенных ему кастеляном...

Князь Иосиф Яблоновский

В Польше существуют две фамилии Яблоновских: одна герба Гржимала, другая герба Прусс III; родоначальники обеих фамилий делаются известными в начале XVI столетия; значение же в Польше той фамилии Яблоновских, к которой принадлежал князь Юзеф, начинается со второй половины XVII века, именно с великого коронного гетмана Станислава-Яна, женатого на Марианне Казановской и бывшего другом и сподвижником короля Яна Собеского.

Внук Станислава-Яна, Юзеф Яблоновский, обладавший огромными богатствами, известен как человек учёный и писатель, но несмотря на эти качества он отличался необыкновенными причудами. Юзеф Яблоновский родился в 1711 году, и 16 апреля 1743 года, находясь польским послом в Регенсбурге, получил от германского императора княжеское достоинство Римской Империи, а впоследствии и орден Золотого Руна. По смерти Августа III он записался в число кандидатов на польский престол, но встретил неудачу и, по избрании в короли Станислава Понятовского, уехал в Лейпциг и там посвящал своё время литературе и учёным изысканиям, учреждал премии и конкурсы, раздавал писателям золотые медали, печатал их сочинения на свой счёт, кормил, поил и одевал их; но соскучившись на чужбине он возвратился на родину и начал вести жизнь чудака.

По приезде в своё имение Ляховицы, он выстроил посредине большого пруда на острове великолепный дом, или, вернее сказать, огромный укреплённый замок. Ни одно окно этого замка не выходило на очаровательные окрестности Ляховиц, но все были обращены вовнутрь на двор. Подражая примеру владетельных особ, князь устроил в этом замке аудиенц-залу, окружил себя войском, образовал кругом себя многочисленный двор, в составе которого были шамбеляны, то есть камергеры, расставил пушки на валах кругом замка и жил там долгое время, не имея ни в ком надобности. Но крепко сжалось сердце Яблоновского, когда однажды он встретил необходимость обратиться с просьбою к бывшему своему сопернику тогдашнему королю Станиславу Понятовскому, и жестокий удар был нанесён самолюбию князя, когда просьба его осталась без исполнения. Раздражённый Яблоновский приказал вынести портрет короля из своих комнат и в наказание повесить его в караульне. Весть об этом дошла до короля, который наслышавшись о странностях Яблоновского, сделал вид, будто ничего не знает о нанесённом ему оскорблении. Тогда Яблоновский решился пойти на мировую и написал к королю письмо, вроде извинения в своём поступке. Король отвечал на письмо князя так: "Зная ваш ум и ваше сердце, я был уверен, что вы, размыслив о вашем поступке, верно сами будете жалеть о нём. Портрет мой, повешенный по приказанию вашему в караульне, мог замараться, поэтому посылаю вам новый, весьма похожий, для того, чтобы он напоминал вам меня."

В сношениях своих с лицами, которые были ему обязаны, Яблоновский обнаруживал доброе сердце, не отказывал никому, кто просился к нему в службу, и если кто-нибудь из служивших у него навлекал на себя неудовольствие князя, то он запрещал виновному являться к нему иногда в продолжении нескольких дней, иногда недель, а иногда и месяцев, отправлял его на один из своих фольварков и сам записывал день высылки и срок, на который виновный был им удалён.

Между тем во всё это время он беспрестанно спрашивал окружающих его: "Что подельывает такой-то? вероятно он сильно тоскует? да, да, – прибавлял он, – какое ужасное наказание не видать моего лица!"

После определённого срока виновный был возвращаем в замок князя, выслушивал его наставления, после чего в награду за наказание, которое лишало высланного возможности видеть лице князя, он получал пару коней или несколько десятков червонцев. Такой способ взыскания вскоре всем понравился, и служившие при князе, сговорившись между собой, устраивали дело так, что все поочерёдно подвергались его гневу.

Но в припадках вспыльчивости князь наказывал так же свою любимую дочь Теофилию, посылал её под арест в караульню, где княжеская милиция стояла на часах; туда же отправлял он и тех из своих гостей, кто нарушал или установленный им этикет, или, по обычаю Речи Посполитой, позволял себе обходиться с ним за пани-брата.

Но самым торжественным днём, в который князь являлся во всём своём величии, был день его именин, день Св. Юзефа, или Иосифа; день этот был также днём хозяйственных распоряжений, потому что тогда отдавались имения в аренду, и получались с них доходы, и все жившие во владениях князя приезжали к нему с поклоном.

Вот как проходил этот день в Ляховицах: в двенадцать часов утра князь, богато одетый, украшенный всеми своими орденами, являлся в аудиенц-залу, окружённый шамбелянами, толпою прислуги и pontificaliter, как выражались поляки, садился на кресло, обитое бархатом, украшенное золотыми галунами и стоявшее на возвышении, под богатым балдахинном. Шляхта и арендаторы, разрядившись кто как мог, собирались в этому времени в соседней зале и после доклада особо о каждом, они поодиночке допускались на аудиенцию к князю. Каждый из арендаторов обязан был принести следующую с него за аренду годовую плату в мешке, и три раза низко поклонившись князю и поздравив его с днём ангела в самых торжественных и напыщенных выражениях, клал к подножию его седалища мешок с деньгами. Исполнивший этот обряд отходил в сторону и оставался в аудиенц-зале до тех пор, пока все не оканчивали своих поздравлений князю.

От исполнения этого обряда не была освобождена и жена князя, рождённая княжна Воронечская. По окончании поздравления князь-воевода (он был воевода новогрудский) в сопровождении всех прибывших к нему лиц отправлялся в каплицу, где торжественно с музыкой совершалась обедня, после чего он с тою же пышностью возвращался в свои покои.

Затем следовал обед. Князь, не желая стать и в этот день вровень с кем бы то ни было, уходил в кабинет, а в смежной с кабинетом огромной зале был приготовлен стол для гостей, к числу которых принадлежала и княгиня. В кабинете князь обедал один, и двери в залу были заперты; они отворялись настежь только в то время, когда приходила пора пить за здоровье именинника. Тогда при звуках музыки, громе пушек и кликах "виват!" гости входили в кабинет воеводы и пили за его здоровье, а он сам выпивал огромный кубок в честь своих гостей. После этого гости выходили, и двери кабинета плотно запирались за ними.

После обеда князь из принесённых ему дукатов делал свитки разной величины и, окончив эту работу, выходил другими дверьми кабинета в танцевальную залу. Гости, извещённые о его выходе, отправлялись туда же, конечно, навеселе, а князь, сидя у столика, заваленного свитками червонцев, раздавал их детям, говорившим ему поздравления, а они в знак благодарности целовали его руку.

После этой раздачи начинались танцы; в них принимал участие и сам воевода, если он был в хорошем расположении духа. Вечер заключался иллюминацией и фейерверком. Разумеется, что гости исподтишка посмеивались над чудаком-хозяином, но тем не менее на каждом шагу оказывали ему глубочайшее уважение, что весьма льстило его самолюбию.

Приближаясь к старости, воевода делался страннее и страннее; часто, раздевшись до рубашки, но зато надев все свои ордена и ленты, он прохаживался в комнате, увешанной зеркалами и рассуждал сам с собою о своём величии, уме, знатности и талантах.

Часто слышали, как он разговаривал сам с собою так: "Кто я такой? князь? – князь, но этого мало! Король польский? – король польский, но и этого мало! Епископ и кардинал? – епископ и кардинал, но и этого мало! Император римский? – император римский, но и этого мало! Папа? – папа, но и этого мало, да и вообще нет такого высокого сана, который бы соответствовал моему достоинству."

Но раз случилось вот что: один из молодых прислужников князя, заметив подобные его рассуждения, забрался в камин, и когда воевода предложил себе вопрос: "Кто я?" раздался

громкий и страшный голос: "Дурак, дурак и больше ничего!" Испуганный князь выскочил из замка во двор и увидев на крыше трубочиста, принял его за чёрта и закричал часовому: "Стреляй в этого чёрта, стреляй!" Часовой исполнил приказание воеводы, и несчастный трубочист был застрелен. Тогда обрадованный князь закричал: "Пусть же и черти научатся как должно уважать меня!"

Между тем прислужник успел выскочить из комнаты и сохранял это происшествие в тайне до самой смерти князя, для которого оно было поводом к увеличению его гордости, потому что он, несмотря на свой природный ум и образование, любил говорить о том, как он за неуважение к себе велел застрелить чёрта, и чрезвычайно сердился, если кто-нибудь выражал сомнение в истине этого рассказа.

Не смотря на свои странности, Яблоновский был любим всеми за его готовность помогать бедным и за уклонение от всяких тяжб и ссор. Он умер 1 марта 1777 г. Из сочинений его некоторые были напечатаны в Лейпциге, в том числе и "L'Empire des Sarmates", заслужившее в то время похвальные отзывы, но большая часть его учёных трудов осталась в рукописях.

Охота на вепря

Длинной и широкой полосой тянулись в былое время за левым берегом Вислы к подножьям Карпат Придольские леса. Проредели они потом, но всё же и теперь ещё представляют местами густую, а иногда и непроходимую чащу. Мало в глубине этой чащи просторных тропинок, только в недалеком расстоянии от опушки леса извиваются они как змейки, то перекрещиваясь, то расходясь во все стороны, то теряясь в густой траве и плотной поросли, то исчезая на выползших из земли и обнажённых корнях вековых дубов и сосен. Пуста и безмолвна эта лесная глубь, изредка разве заберётся в неё окольный крестьянин для поживы хворостом, да промелькнёт среди зелени и древесных стволов охотник, отыскивая лося или берлогу залёгшего вблизи медведя.

Если бы иной мечтатель захотел летнею порою побродить в этих лесах, то наверно их тишина, их свежесть и живописная их прелесть навяли бы на него поэтические думы и чудные грёзы; но не легко бы выбрался он из чащи на какую-нибудь поляну, долго бы пришлось ему кружиться на одном и том же месте, и не раз попадался бы он в такую труппу, в которой, быть может, до него никогда ещё не ступала нога человека.

В ином месте, среди этих вековых лесов, медленно струящийся ручей неожиданно пересекает и без того уже трудно проходимую тропинку. За ручьём на большом пространстве тянется вязкая топь, а между тем нет ни мостика, ни жёрдочки; идти дальше нельзя; а по свежесодранной коре с близстоящего дерева видно, что ещё очень недавно посетил это затишье медведь, которого, чего доброго, снова заманит сюда чутьё лакомой добычи.

Невольно, в тяжёлом раздумье останавливается здесь прохожий и дрожащим голосом шепчет усердную молитву, а вечерняя заря быстро гаснет на верхушках деревьев и подходящие украдкой сумерки наполняют лес сгущающеюся мглою. И вот в памяти одинокого прохожего оживают все страшные предания и все суеверные рассказы об этом таинственном боре. Счастлив он, если засветло успеет напасть на следы человека, который проходил прежде него в этой пуще и был так осторожен, что войдя в неё делал топором зарубки на деревьях, чтобы потом с помощью этих меток, выбраться из незнакомой дебри.

Изредка небольшая поляна пересекает сплошную гущу леса. Пустынно, но вместе с тем весело расстилается эта поляна зелёным ковром, испещрённым дикими цветами. И почему-то становится жаль помять ногою эту густую, высокую траву и эти простенькие цветы, выросшие в таком приволье. Иногда на этой поляне виднеется хата пасечника с несколькими десятками ульев, и тогда тишина нарушается жужжаньем пчёл, которое, долетая до слуха прохожего, кажется ему то гулом неопределённых, далёких звуков, то людским беспокойным говором.

Старый пасечник давным-давно поселился в этой глуши и полюбил её так сильно, что не променял бы её ни на блестящую Варшаву, ни на шумные города Польши, ни на суетливые её местечки, в которых, с утра до поздней ночи, снуют и копошатся евреи.

Несмотря на уединённую жизнь пасечника, его хорошо знают все окольные крестьяне; он слышит у них за знахаря; и действительно, старику известны и вредные, и целебные силы лесных трав и кореньев; он заговаривает ужаленных змеями; он умеет за несколько дней угадать погоду и ненастье; он лечит всех и каждого от разных телесных недугов, а молодых и от сердечных зазноб. Старик твёрдо знает все извилистые тропинки леса и, как носится молва, может показать те места, где зарыты богатые клады. Но старик пасечник не говорлив, от него ничего не добьёшься.

В проредях леса виднеется иногда приземистый шалаш, который кажется служит скорее притоном дикому зверю, нежели убежищем человеку. В этом жалком шалаше поселился на летнюю пору забредший откуда-то еврей; он жжёт уголья и гонит смолу, он трудится без устали день и ночь, но недоверчивая молва отзывается о нём по-своему: одни рассказывают, что будто

бы этот исхудалый бедняк оберегает несметные сокровища, запрятанные в лесу давным-давно, когда на польском престоле сидела Ядвига с Ягелло. Другие говорят, что он, забравшись в дремучий лес, подделывает монету. Бедняк знает недобрую молву; он и сам, как кажется, не доверяет никому и с трусливым беспокойством оглядывает тех, которые проходят мимо его шалаша.

Зимой снег заносит и лесные тропинки, и поляны; тяжёлыми хлопьями ложится он на раскидистые ветви сосен. В эту пору, чарующая летняя прелесть леса заменяется печальной сонливостью; здесь нет уже душистой свежести, здесь не слышно весёлого щебетанья птиц, и не носятся рои игривых мошек; всё притихло, всё мёртво, и только иногда на белой пелене снега виднеются следы пробежавшего волка.

Эти дремучие, пустынные леса служили не раз убежищем для окрестных жителей, когда военная гроза гремела над Польшей...

Недалеке от этих лесов, лет полтора тому назад, стоял на пригорке пышный замок воеводы Ильговского. Много видел на своём веку пан Ильговский, много повоевал он и побывал в разных землях и потом на старости лет приехал отдохнуть в своём наследственном замке, и любимой его забавой была охота в соседних, дремучих пущах.

Воевода был вдов и приближался к могиле с печальной мыслью, что со смертью его угаснет род Ильговских, так честно и доблестно служивший отчизне в течение нескольких веков.

Наступала осень, а с нею подходил и день св. Андрея, именины пана воеводы; набожный и богатый Ильговский всегда с большою торжественностью праздновал день своего патрона, а на этот раз ему почему-то хотелось отпраздновать свои именины с большею пышностью, нежели в прежние годы. К этому дню в замок воеводы должно было съехаться множество гостей из близких и далёких сторон; для них приготавливались всевозможные запасы в несметном количестве. Не говоря уже об огромных бочках прадедовского венгерского вина и столетнего мёда, в замке воеводы, для угощения приезжих, было назначено: полусотня волов, стадо баранов, двадцать лосей, десять вепрей и бесчисленное количество зайцев и рыб. Ещё за три недели до съезда гостей, все окрестные мельницы принялись махать крыльями и шуметь колёсами, заготавливая муку, а из близких прудов и дальних озёр таскали беспрестанно невода, наполненные множеством разных рыб. Огромные залы замка, остававшиеся обыкновенно закрытыми в течение целого года, были теперь открыты, и многочисленная прислуга хлопотливо сметала пыль, покрывавшую стены этих зал и насевшую толстым слоем на богатое их убранство, а также уставляла в столовой бочки с серебряными и даже золотыми обручами, наполненные дорогим венгерским. Кравчий воеводы, занимавшийся расстановкою бочек, особенно заботился о том, чтобы они были размещены по старшинству лет налитого в них вина.

За несколько дней до св. Андрея потянулись к замку со всех сторон щёгольские колымаги и простые тележки, наполненные родственниками, друзьями и знакомыми Ильговского. Число гостей не могло затруднить воеводу, богатые поместья которого раскидывались без перерыва в длину почти на тридцать в ширину слишком на двадцать миль, и у которого в подвале замка, за железными дверями и крепкими запорами, стояли бочонки серебра и золота.

Воевода, как мы сказали, был бездетен, и потому множество близких и дальних родных, и с отцовской, и с материнской, и даже с жениной стороны, с нетерпением выжидало кому-то он откажет своё громадное богатство. Все родственники наперерыв один перед другим увивались около старика, и каждый из них, рассчитывая быть единственным наследником, не без злобы поглядывал на своих соперников.

Но кроме родственников, пан-воевода был окружён ещё толпой чужой ему молодёжи из шляхты; не одного уже голыша-шляхтича вывел он в люди или наделил достатком, за то, что тот служил ему верой и правдой и отличался удачью и отвагой. Но никто однако из всей молодёжи, жившей в замке богатого пана, не пользовался в такой степени его любовью, как пользовался ею пан Яцек Илинич, статный и красивый юноша. Для него было пустяки – вскочить на степного,

неукротимого скакуна, и через несколько времени обратить его в трусливого барана; не стоило ему большего усилия вышибить из седла одним ударом своего противника; он считал забавой встречу с неприятелем втрое сильнейшим. Но не одной только удачью отличался пан Яцек, он и в мазурке был первый, и все заглядывались на него, когда он пускался в пляс, подхватив пригожую паненку.

Старик Илинич владел в соседстве с воеводой маленькой наследственной деревней. Когда Яцек подрос, Илинич привёл сына в замок Ильговского и, поклонившись старосте, сказал:

– Отдаю вашей вельможной милости моего сына, он у меня один только и есть. Малый он расторопный и не заставит краснеть за себя своего отца; но я человек небогатый, так пусть мой сын послужит ясновельможному пану и научится в его доме, как быть угодным Господу Богу и людям.

Молодой Илинич исполнил волю отца. Он верно служил своему покровителю, и пан-воевода полюбил его, как сына; окольная молодёжь сознавала превосходство Илинича и льнула к нему со всех сторон, а старики, посматривая на Яцека, нередко говаривали между собою: "Что если бы таких молодцов было у нас побольше?" Девушкам крепко нравился Яцек и, бывало, только лишь он замолвит с одной из них словечко или ловко прислужится, как она вся зардеет и сама не знает что и как отвечать ему.

Только родственники воеводы косо посматривали на его любимца и Бог весть что толковали о нём за глаза; но так как он вежливо обходился с ними, не хвастаясь перед ними особенным расположением к себе магната, то и они смягчались, спрашивая самих себя: "да за что нам сердиться на этого молодого человека?" И только мысль о том, что Илинич может быть их соперником по наследству, снова заставляла их хмурить лбы и почёсывать затылки.

Старик Ильговский до такой степени привязался к молодому Илиничу, что при нём одном веселел, смеялся и шутил, а без него большею частью был ворчлив и пасмурен. Иной, пожалуй, на месте Илинича, пользуясь таким удобным случаем, поворотил бы, – как говорят поляки, – воду к своей мельнице; но не такого десятка был Яцек. У него было одно желание – угодить своему покровителю, да полюбить от всей души какую-нибудь хорошенькую соседку, жениться на ней, вскормить деток, пожить, сколько приведёт Господь Бог, и потом улечься с миром на родном кладбище, под высоким крестом и тенистой осокорью.

Из числа гостей, прежде всех приехавших на именины воеводы и желавших ранним приездом выразить ему особенное уважение, были два брата каштеляничи ¹, Пешковские, и Ян Кмита, сын воеводы. Все они приходились Ильговскому не слишком далёкими родственниками. Они-то, как ходила молва в околотке, и старались больше всех о том, как бы каждому из них захватить в одиночку всё богатство Ильговского или, по крайней мере, только между собою поделить после него наследство, отстранив прочих соперников. Впрочем, не об этом думал Ян Кмита; он рассчитывал и на то ещё, что ему удастся понравиться восемнадцатилетней черноокой Ванде, дочери и богатой наследнице подкомория ² Дембинского, одного из ближайших соседей воеводы.

– Недолго ждать, – думал Кмита, – по всей вероятности воевода скоро отправится на тот свет... Я сделаюсь богатым паном, посватаюсь к Ванде, а Илиничу скажу, без дальних околичностей: подальше отсюда, любезный, ищи себе невесты попроще; а на магнатскую дочь не заглядывайся!..

¹ Дети каштеляна. Каштеляны в эту эпоху были сенаторами, и в военное время начальствовали над ополчением известного участка.

² Звание подкомория при дворе королевско-польском соответствовало званию камергера.

Ярко и безоблачно садилось солнце, обливая золотисто-багряным светом башни Придольского замка и предвещая на завтра хорошую погоду. Двор замка наполнялся всё более и более колымагами, так как гости непрерывно съезжались к будущему имениннику. Хозяин стоял на пороге своего жилища и приветливо встречал приезжавших. Вот наконец в раззолоченной и обитой бархатом колымаге подкатил к крыльцу замка и пан-подкоморий Дембинский с своей дочерью, Вандой. Поцеловав в лоб воеводу, Ванда украдкой пробежала своими чёрными глазками по толпе молодёжи, окружавшей хозяина замка, но среди толпы не было того, кого она искала. Ванда заметно взгрустнула и призадумалась.

В это время на дворе замка послышались звуки охотничьих рогов. Обширные залы замка опустели в одно мгновение, все кинулись в дверь, чтобы взглянуть на охотников, въезжавших в ворота замка. Впереди охотников ехал молодой Илинич на отличном гнедом коне, который фыркал и извивался под лихим наездником. Илинич был одет в зелёный чекмень, через плечо висел у него медный рог и барсучья торба, с разными принадлежностями для охоты. Винтовка была приторочена к седлу, а рядом с нею висел в кожаных ножнах большой охотничий кинжал.

Ильговский поспешил на встречу в Илиничу, который, в нескольких шагах от воеводы удержав коня, проворно соскочил с седла, отдал поводья конюху и сняв шапку поклонился хозяину и всем гостям. Потом быстро взглянул он на крыльцо, где стояли дамы и девицы и где он ожидал увидеть Ванду. Илинич не ошибся, и влюблённые поменялись друг с другом такими взглядами, которые были понятны ей и ему.

– Ну что же, Яцек, как ты сегодня охотился? – спросил, входя на крыльцо замка, воевода Илинича, который почтительно следовал за ним.

– Не хорошо, очень не хорошо, – грустно отвечал Илинич, – вепрь ушёл из наших рук, а что ещё хуже, он сильно изуродовал старика Бартоша и положил на месте четырёх гончих.

– Видно он хочет, чтоб я сам на старости лет пошёл против него? – проговорил Ильговский, и при воспоминании о былой удали ярко блеснули под седыми бровями большие, тёмно-серые глаза Ильговского, которые он пристально упёр в лицо Илиничу. Молодой человек в сильном смущении опустил свой взгляд, точно стыдясь какого-то непохвального поступка. – В моё время, продолжал старик, – высмеяли бы таких охотников, у которых из-под носу убегают вепри; право, им не дали бы нигде проходу.

Илинич растерялся в конец, но потом, оправившись немного, сказал твёрдым голосом:

– Правда ваша, ясновельможный; хоть я сегодня и удачно поохотился на оленей и зайцев, но жалею, что мне не пришлось положить к ногам вашей милости вепря; надеюсь однако, что если встречу его завтра, то он уже не уйдёт от меня...

– Ты мне это повторяешь, мой любезный, каждый день, – проговорил воевода, – а не забудь, однако, что через два дня будут мои именины. Приедет ко мне мой старый приятель, каштелян Завиходский, да и спросит: "Ну, приятель, а где же вепрь?" Ведь стыдно будет и тебе, и мне; право, нам обоим будет стыдно, да ещё как! Ей, господа! – кликнул громко пан Ильговский, – объявляю вам, что тот из вас, кто завтра убьёт в Придольской пуще вепря, будет наследником всего моего имения.

Шёпот изумления пробежал в толпе молодёжи, и многие из среды их как-то недоверчиво посмотрели на воеводу.

– Я говорю, – начал ещё громче староста, – что тот из вас, кто убьёт завтра вепря, будет наследником всего моего имения, и кроме того... – добавил пан Ильговский, взглянув пристально на Ванду.

Щёчки Ванды вспыхнули ярким румянцем, а молодой Илинич посмотрел на девушку так, как будто хотел сказать ей:

– Я знаю, Вандочка, о чём идёт дело; не бойся, никому не уступлю тебя.

Никто однако не ответил на вызов магната. Быть может, в толпе молодёжи и не было трусов, но никто не решался похвастаться заранее, что пойдёт на такое предприятие, кото-

рое большею частью оканчивалось смертью удальца, так как, при несовершенстве огнестрельного оружия, в ту пору легко было промахнуться по вепрю или только ранить расвирепевшее животное, с которым после неудачного выстрела приходилось бороться в плотную.

– Что вы, господа, – заговорил с усмешкою воевода, – разве нет теперь в Польше таких молодцов, которые пошли бы на вепря даже так себе, из одной только охоты и без предложенной мною награды?

Молчание продолжалось, никто не хотел быть выскочкой.

– Что же, господа, вы молчите? – спросил пан Ильговский. – Кто же отправится завтра на вепря?

– Я!.. – резко проговорил пан Кмита, выступая вперёд.

– Мы!.. – закричали в один голос братья Пешковские.

– Я! Я! Я! – раздавалось отовсюду.

Кто бы в то время взглянул на Ванду, тот заметил бы её печаль и смущение. Опустив голову и свесив вниз на шёлковую ткань своего платья сложенные ручки, она стояла неподвижно, ожидая услышать голос Илинича; но Илинич стоял молча, скрестив на груди руки и думая о том, что кстати ли будет отнимать у других то имение, которое ему не принадлежит, и при том за такое дело, на какое он отважился бы и без всякой награды. Но вот он вспомнил недоговорённые слова воеводы и пристальный взгляд Ильговского на молодую девушку. Воспоминание это задело за живое Илинича, который теперь в душе боролся с самим собою.

– Что же ты, мой любезный Яцек, ничего не говоришь? – спросил воевода, подойдя к Илиничу и дружески положив руку на его богатырское плечо.

– Я не пойду завтра на охоту, – проговорил не совсем внятно Илинич.

– Это почему?.. – вскрикнул изумлённый старик, отскочив на несколько шагов от Илинича.

– Потому что там будет идти дело не о доставлении тебе удовольствия, а о наследстве после вашей милости.

– Ну, не сердись, – сказал улыбаясь Ильговский, – если б я знал, что ты так обидчиво примешь моё предложение, то я лучше бы согласился отказаться от вепря.

– Но мы без тебя не пойдём на охоту! – отозвалось вдруг несколько голосов из толпы молодёжи, любившей Илинича.

– Тебе, пан Илинич, – вмешался отец Ванды, – не следует отказываться от предложения пана-воеводы.

Яцек ещё колебался и украдкой посматривал в ту сторону, где стояла Ванда; её чёрные глаза были устремлены теперь на Илинича, она, казалось, просила его не отказываться от участия в охоте.

– Видит Бог, – проговорил с жаром Илинич, обращаясь к Ильговскому, – что я не хочу домогаться твоего богатого наследства; и если завтра пойду на охоту, то потому только, что это угодно твоей милости!

Стоявший сзади Илинича пан Кмита насупил брови и сильно дёрнул за руку своего соперника.

– Кто тебе позволяет оскорблять нас? – высокомерно сказал пан Кмита, – не забывай, любезный, что в числе нас есть близкие родственники его милости, пана воеводы; а ты ему что?..

– Я не оскорбляю никого, – твёрдо, но не грубо отозвался Илинич, – а до родственников пана-воеводы мне нет никакого дела; если же тебя оскорбили мои слова, то моя сабля даст тебе удовлетворение.

Пан Кмита побледнел и с заметной злобой, крутя свой ус, готовился отвечать что-то Илиничу.

– Полноте, полноте, господа! – примиряющим голосом заговорил пан Ильговский, становясь между соперниками, – поберегите вашу храбрость на завтра, а теперь возьмёмся лучше за кубки и выпьем за успех завтрашней охоты. А ты, Яцек, – добавил воевода, обращаясь к Илиничу, – прикажи, чтоб к утру всё было готово, как следует. Посмотрите-ка, господа, как великолепно село солнце, нет ни облачка; пожалуй ночью будут заморозки, охота будет славная, такая что и мы, старики, не усидим дома за печкой... Да быть может, и мои дорогие гости захотят посмотреть нашу охоту, – добавил Ильговский, обращаясь к дамам, – статья может, что они пожелают поздравить того, кто останется победителем. Не так ли, милостивые пани?

– Хорошо, очень хорошо, мы согласны завтра ехать на охоту, – заговорили в один голос все гости.

Молчала одна только Ванда.

– Вели же, Яцек, приготовить к завтрашнему дню шатры на Волчьей Горе, – сказал пан-воевода Илиничу, – с этой горы, я думаю, всё будет видно, если только нам удастся выгнать вепря из чащи. Впрочем ты сам умеешь отлично распорядиться, не тебя мне учить. Нужно только подумать о том, чтобы наши гости встали завтра раньше солнышка и птичек. Теперь прикажи, пан-маршалок ³, – добавил Ильговский, обращаясь к одному из окружавших шляхтичей, – протрубить сбор.

По знаку, данному маршалком, загремели трубы. Хозяин предложил свою руку госте, старейшей и по летам, и по званию, каждый из гостей последовал его примеру, взял под руку даму и попарно за хозяином пошли в столовую.

Нечего, кажется, и говорить, что в одной из пар были Ванда и Илинич.

– Желаю тебе успешно охотиться завтрашний день, – с волнением прошептала девушка, склоняясь несколько к плечу Илинича.

– О, я и сам желал бы этого, – отозвался с глубоким вздохом Яцек.

– Я предчувствую, что охота тебе удастся; я буду молиться Богородице, чтобы она помогла тебе, – тише прежнего пролепетала Ванда.

Звуки труб и литавр, раздавшиеся в это время с таким громом, что, казалось, от них дрожали стены замка, заглушили ответ Илинича, который слегка пожал руку молодой девушки.

Гости вошли в столовую. Стены этой залы и полукруглый свод её потолка были сероватого цвета. На стенах было развешано дорогое оружие и разные охотничьи принадлежности, вперемешку с оленьими и буйволовыми рогами, а также портретами давних владельцев Придольского замка и гербами как их фамилии, так и тех фамилий, которые были с ними в родстве. В простенках же между окон и по бокам дверей были сделаны дубовые полки, уставленные грудами серебряной и золотой посуды.

Гости уселись по старшинству кругом столов, загромождённых разными кушаньями. Начался продолжительный ужин и после десятого блюда пошёл ходить между гостями круговой кубок; при питье из этого кубка начались громкие виваты в честь гостей и хозяина, а среди виватов слышались поцелуи, шутки, остроты и разные пожелания. По всему замку разносились весёлые клики, смех и говор, и долго бы ещё продолжался пир, если бы заботливый хозяин не напомнил гостям, что завтра ещё до рассвета они должны будут отправиться на охоту.

Предсказание старобы насчёт погоды сбылось как нельзя лучше: золотистые лучи утренней зари быстро разгоняли ночную мглу, и поредевший туман белыми клубами расстился по земле, обещая прекрасную погоду. Заря гасла, между тем дневной свет приливал всё сильнее и сильнее, и казалось, что вот сейчас из-за ближнего леса выйдет солнышко во всем своём величии и утреннем блеске; однако обитатели замка предупредили его ранний восход.

³ В домах богатых польских панов дворяне, заведовавшие разными увеселениями, назывались маршалками. Уменьшительное от слова: маршал.

Едва только начал редеть ночной мрак, как в замке пана Ильговского все захопотали и засуетились, шум и беготня усиливались всё более и более, и вскоре двор замка начал походить на ярмарочную площадь, – на нём кишела пёстрая толпа; в этой толпе стрелки, сотворив крестное знамение, осматривали свои винтовки, желая увериться, не заговорил ли их какой-нибудь колдун; псаря между тем вязали на своры гончих, которые громким лаем выражали свою радость и нетерпение. Доезжачие подучивались трубить в рога, а конюхи выводили из конюшен или держали под уздцы коней, которые ржали, становились на дыбы и выбивали копытами глыбы земли, слегка охваченной утренними заморозками. Несколько далее на том же дворе нагружали возы кушаньями, напитками и котлами, а также приготавливали колымаги, в которых должны были отправиться на охоту молодые и старые гости, выглядывавшие теперь из окон замка на всю эту суетню. По огромным запасам съестного и питья, нагружаемым на возы, можно было подумать, что хозяин и его гости выбирались из замка на такую охоту, которая должна была продлиться целый год.

Когда всё было готово, Илинич, в своём зелёном чекмене, опушённом лисицей, ловко вскочил на лихого, гнедого коня. Вокруг Илинича столпились конные и пешие охотники; а гости разместились по колымагам.

Прежде отбытия самой охоты тронулся со двора замка обоз, псы нетерпеливо завыли, кони рвались вслед за обозом, но седоки сдерживали их, так как, по обычаю того времени, охотники и гости не могли тронуться с места до тех пор, пока старший летами охотник не затрубит в рог. Все с нетерпением ожидали этого знака, и едва только выглянуло из-за леса яркое осеннее солнце, как восьмидесятилетний каштелян Завиходский, ещё бодро сидевший на турецком коне, громко затрубил в серебряный рог, и при последнем звуке этого сигнала двинулись за ворота замка охотники и поезжане.

В Придольских лесах, с которыми мы уже познакомили наших читателей, поднимались в это время с своего ночлега встрепенувшиеся птицы, встречая громкими криками пробудившее их солнце; им вторила переключка поселян, обходивших облавою часть бора и приближавшихся к его опушке.

На Волчьей Горе, которая отделялась от леса оврагом, поросшим мелким кустарником, были разбиты шатры для дам и хилых стариков. Вблизи шатров пылал огромный костёр, около которого шла деятельная стряпня.

Звуки рогов, крики охотников, шум колымаг, лай собак и ржание коней сливались в какой-то неопределённый гул, с которым приближалась охота на назначенное ей место. Пан Илинич, ехавший впереди охоты, заменяя хозяина, провожал гостей до шатров, и когда все разместились, то он во весь опор поскакал к опушке леса. Там он разведал у лесничих о вепре и напомнил столпившимся около него охотникам о стыде, который ожидает их, если они станут стрелять не по вепрю, а по недоросшим вепрятам или оленям. После этого он стал распоряжаться всеми подробностями охоты.

По данному Илиничем знаку вытянулся ряд доезжачих; один из них имел небольшой барабан, другой трещотку, третий булаву, увешанную бубенчиками. Все доезжачие были на лихих конях, которыми славились на всю Польшу воеводские конюшни, и сами смотрели молодцами. Подле доезжачих расположились псаря со сворами, и когда Илинич махнул рукою, то все они кинулись в лес по заранее условленным дорожкам, чтобы окружить логовище вепря. Между тем Илинич, сойдя с коня, перебежал от одного охотника к другому и осматривал их винтовки; он осведомлялся, хорошо ли они вычищены, не слабы ли курки, надёжно ли отточены кремни. Илинич спросил также всех охотников по очереди о том, есть ли у них в готовности запасные заряды. Покончив осмотр и расспрос, он громко крикнул:

– Благородные паны! Вот места для стойки охотников. Пусть выбирает себе каждый из вас, какое ему угодно место; но только прошу вас поторопиться, потому пора подать сигнал к травле.

Тут между охотниками началось движение; поднялись было споры и говор. Однако дело скоро уладилось, и спустя несколько времени все охотники были уже на местах. Не без волнения каждый занимал своё место, на котором мог или получить огромное богатство, или попасть на клык вепря. Случайно самому Илиничу пришлось стать около пана Кмита. С заметным спокойствием Яцек занял своё место и протрубил сигнал для начала охоты.

В лесу послышался тревожный лай гончих псов, облавщики приготовили рогатины, и все пришли ещё в большее движение, когда невдалеке от опушки леса увидели землю, взрытую клыком вепря. Казалось, что место это было глубоко перепахано сохою.

Между тем лай гончих продолжался; он то отдалялся от охотников, то приближался к ним; но вдруг стаи гончих залились каким-то злобным воем; охотники встрепенулись, в лесу послышался шум и треск от ломки деревьев. Псы завидели вепря и наскочили на него, но тут же раздался жалобный их визг: потому что несколько гончих было поднято на клык вепря.

– Смотрите! смотрите! Не зевайте! – раздавалось по цепи охотников, и один из них хватался торопливо за винтовку, а другой за кинжал, готовясь встретить разъярённого зверя.

Пан Кмита был взволнован сильнее всех; он как будто растерялся; из-под шапки, крепко надвинутой на брови, выступал крупными каплями холодный пот. В это время из чащи леса бежал расвирепевший вепрь, за ним в погоню неслась стая гончих псов, которых он по временам размётывал клыками во все стороны, очищая себе дорогу.

У всех охотников дрогнуло сердце. Один Илинич стоял спокойно, опёршись на винтовку и ожидая, где появится вепрь, который на несколько мгновений скрылся в кустах оврага.

Но вот вблизи Илинича послышался треск и хруст ломающихся ветвей и вепрь, величиною с годовалого телёнка, с пеною на морде, с прокусанными во многих местах боками, облитыми кровью, очутился вблизи Илинича и его соседа Кмита. Ощетинившееся животное пускало из ноздрей клубы пара и мчалось вперёд во всю прыть.

Пан Кмита приложил винтовку к дрожавшему плечу и нетвёрдою рукою спустил курок, – выстрел раздался; но пан Кмита промахнулся и вепрь с яростью бросился на него. Выхватив из-за пояса охотничий нож, Кмита хотел было дать отпор вепрю, но поскользнулся немного и, растерявшись от этого в конец, пустился бежать. Зверь кинулся за ним в погоню, а между тем стрелять никто не решался, опасаясь попасть вместо зверя в охотника. Поднялась страшная сумятица; вепрь уже нагонял Кмиту, который, к довершению бедствия, споткнулся и упал. Все обмерли от ужаса, предвидя страшный конец охоты.

Но в это время метким глазом и твёрдою рукою прицелился в вепря Илинич, и горсть рубленных пуль пронизала левый бок вепря. Бешеный зверь оставил Кмиту и быстро бросился на Илинича, который сделал ловкое движение в сторону, успел, с кинжалом в руке, вскочить на хребет зверя и, нанеся ему между лопаток сильный удар кинжалом, всадил лезвие по самую рукоятку. Вепрь дико взвыл, зашатался и покатился на бок, а подоспевшие гончие накинудились на него с ожесточением. Раненный вепрь упорно отбивался от них, но Илинич подскочил снова к озлобленному животному и другим ударом кинжала покончил его.

На Волчьей Горе загремели трубы и литавры, и в честь победителя отовсюду раздались громкие одобрения. Илинич, вынув из ножен саблю, отсёк у вепря оба клыка и понёс их пану Ильговскому. Торжественно шёл теперь Илинич, окружённый толпою охотников, дивившихся его отваге.

При приближении Яцека к шатрам снова ударили в литавры, и пан воевода поднял одною рукою золотой кубок, наполненный венгерским, а другою обнял Илинича и громко крикнул:

– Виват, пан Яцек Илинич, наследник моего имени!

– Виват! виват! – раздавалось со всех сторон.

Среди этих кликов, воевода осушил кубок до последней капли и, приказав слуге наполнить его снова, передал кубок подкоморию, отцу Ванды, которая, не успокоясь ещё от волнения, тревожно посматривала то на отца, то на Илиничу.

– Да помогает Господь Бог отважному юноше всегда и везде! – с чувством произнёс пан Дембинский, – нам нужно таких молодцов, которые смело шли бы и в огонь, и в воду.

С этими словами, поклонясь Илиничу, Дембинский выпил кубок за его здоровье до самого дна; и затем кубок стал ходить кругом, посреди громких возгласов, в честь смелого Яцека. Когда же окончились эти тосты, то воевода взял под руку молодого охотника и, подведя его к скамьям, на которых сидели гости, сказал:

– А что, вельможные пани, разве мой Яцек не молодец?

Дамы и девицы спешили на перерыв выразить своё удивление той смелости, с которой Илинич напал на свирепого зверя.

Ванда не утерпела, как птичка вспорхнула она с своего места и с раскрасневшимся лицом кинулась к Илиничу.

– О как я боялась за твою жизнь! – прошептала Ванда прерывающимся от волнения голосом. – Прошу тебя, не ходи другой раз на такую опасность, – добавила она, складывая на груди руки и смотря умоляющим взглядом на молодого человека.

Илинич, вместо ответа, стал на одно колено перед девушкой и поцеловал её руку.

Весёлый говор пробежал среди всех свидетелей этих изъятий юношеской любви, так неожиданно вырвавшейся наружу.

– Ого! – радостно воскликнул воевода, – да как видно, они любят друг друга!

– Разумеется, разумеется!.. Это ясно, как Божий день! – заговорили молодые пани, издававшие сами на опыте что значит пылкая любовь.

– Ну, и прекрасно, чего ж более?.. Послушай, пан Дембинский, – продолжал живо воевода, – посмотри-ка на нашу молодёжь, ведь по глазам видно, что они любят друг друга! Да как ещё любят!

Ванда, поникнув головкой, стояла на одном месте, не выдёргивая своей белой ручки из руки Илиничу.

– А что, ведь сегодняшнюю охоту можно закончить свадьбой! – весело крикнул воевода.

Ванда и Яцек вздрогнули.

– Илинич был бедный шляхтич, – продолжал Ильговский, – но теперь он богатый пан, потому что моё благородное слово...

– Нерушимо, – подсказал твёрдым голосом подкоморий, – что ж, и прекрасно!

Гости и подоспевшие к этому времени с разных сторон охотники плотной толпой окружили воеводу, подкомория и помолвленных.

– Прошу слушать что я расскажу вам, – начал воевода. – Лет пятьдесят тому назад, когда я и подкоморий были ещё молоды и когда в жилах у нас кипела горячая кровь, мы среди жестокой сечи дали взаимное обещание породниться друг с другом в будущих наших детях. Причина для этого была весьма важная, потому что, если бы не сабля пана Дембинского, то я погиб бы под татарскими ятаганами, но если бы потом не рука пана Ильговского, то не вернулся бы домой пан Дембинский. Просто-напросто – мы спасли друг друга...

Пан подкоморий исполнил своё обещание, – посмотрите какая у него красавица-дочь! Но я обманул его ожидания, у меня нет сына. Погоревав об этом, мы старики положили между собою, что тот, кто будет сделан наследником моего имения, будет вместе с тем и наследником нашего обещания; потому теперь и наше обещание досталось пану Илиничу... Слышишь ли ты, любезный мой Яцек, что ты наследник всего моего достояния? Попроси же теперь пана подкомория, сам знаешь, о чём...

– Я уже дал своё согласие, – подхватил пан Дембинский, – и да благословит вас Господь Бог, мои детки! Подойдите ко мне!..

Ванда со слезами радости на глазах кинулась целовать отца, а Илинич посменно душил в своих крепких объятиях то воеводу, то подкомория.

Пан Дембинский соединил руки невесты и жениха, который после этого, следуя старопольскому обычаю, поклонился в ноги своему будущему тестю.

Излишним кажется говорить, что опять, в честь молодых, начали наполнять и осушать задравные кубки при громе труб, литавр, охотничьих рогов и беспрестанных восклицаниях: "виват! виват!" Пир продолжался до поздних сумерек.

Вскоре после этой неожиданной помолвки спохватились пана Кмита, его искали всюду, но он пропал без вести. Рассказывали только, что в то время, когда Илинич кинулся на вепря, Кмита приподнялся с земли и опрометью побежал в кусты по скату глубокого оврага. Однако самые тщательные поиски, произведённые в этом месте, не открыли следов исчезнувшего пана Кмиты. Поговорили об этом происшествии в замке пана Ильговского и во всём околотке, а потом, как водится, позабыли о пропавшем.

Общее мнение было то, что пан Кмита, пристыженный и в любви, и в охоте, и в наследстве, забрался, по всей вероятности, куда-нибудь на Украину, с тем, чтобы в схватках с крымцами позабыть своё горе и, составив себе имя отважного воина, тем самым загладить свою прежнюю оплошность.

Добавим к этому, что охота весело возвратилась в замок воеводы. На возвратном пути Илинич ехал верхом около колымаги, в которой сидела Ванда, слушающая с улыбкой радостные речи своего суженого.

За поездом везли на телеге убитого вепря. Возвращавшуюся домой охоту замыкал конь пана Кмиты. Он шёл порожняком позади всех, печально опустив свою голову...

Покинутый замок

В Придольском замке делались большие приготовления к свадьбе Яцека с Вандою. Свадьба была назначена на весну. Весело и широко жил теперь пан-воевода, гости у него были безвыездно. Пирь не прекращались. Но среди шумного веселья воевода становился вдруг печален и сумрачен, часто он что-то шептал, крутя в тяжёлом раздумье свой седой ус. Молиться он стал ещё усерднее, а каждую среду, пятницу и субботу лежал по несколько часов крестом на полу посреди своей каплицы. Домашние и знакомые думали, что воевода оплакивает под старость грехи и заблуждения своей молодости, как это очень часто дельвали его современники. Ходил даже в околотке слух, будто бы воевода, отпраздновав свадьбу Илинича и передав ему всё своё имение, намерен уйти на покаяние в монастырь. Говорили также, что он назначил несколько тысяч дукатов на постройку обширного монастыря во имя св. Андрея, своего патрона, и добавляли даже, что он будто бы выбрал уже место для этой постройки в глуши придольских лесов, недалеко от другого своего замка, называвшегося Ильговым.

Странное дело вышло в этом замке: из него вдруг, по приказанию воеводы, выехала вся прислуга, а между тем в этот замок стал ездить иногда он сам в сопровождении своего духовника и самого доверенного при нём человека – старика управляющего.

Всех чрезвычайно занимала эта таинственность, но никто однако не решался спросить воеводу о причинах его печали и его поездок в покинутый замок. Разведывать же об этом стороной было и неудобно, и бесполезно, так как никто не мог сказать ничего определённого. Вскоре распространилась молва, что в родовом замке воеводы поселилась нечистая сила. Рассказывали, что в глухую полночь окна замка горели иногда таким ярким светом, как будто там шли какие-то пиры, и что в это время на далёкое расстояние неслись из замка шум, стук, крик, хлопанье в ладоши и какой-то нечеловеческий хохот, которому злобно вторили в чаще леса. Говорили также, что в замке являлись разные недобрые предзнаменования и что между прочим, в одной из его зал, нашли пустой новый гроб, приходившийся как раз по росту воеводы, и что на дощечке, привешенной к гробу, было написано: гроб назначается для раба Божия Андрея.

В ту отдалённую от нас пору, суеверие и предрассудки были ещё в силе во всей Европе, и потому нет ничего удивительного, что подобные явления впечатлительно подействовали на воеводу, который хотя и был бесстрашен в виду всевозможных опасностей и даже явной смерти на поле битвы, но за всем тем крепко побаивался дьявольской силы и разных бесовских наваждений. Воевода заметно осунулся. Часто, отчитав молитвы и Спасителю, и Богородице, и первенствующим святым, а также прославословив не раз Святого Духа, старик начинал мысленно перебирать в подробностях свою жизнь и заботливо отыскивать в ней следы прегрешений.

Конечно, и у воеводы, как и у каждого доброго христианина, находились кое-какие грехи. Не говоря уже о некоторых грешках, свойственных вообще шаловливой юности, оказывалось, что воевода раза два дерзнул усомниться в правосудии и благодати Божией, что он однажды посмеялся над тучным монахом, что он как-то неохотно оказал помощь ближнему, что увидев в костёле образ какой-то великомученицы, он нашёл, что лик её похож на личико одной прехорошенькой пани, на которую не без биения сердца заглядывался молодой в ту пору Ильговский. Припоминая свои старые грехи, воевода находил однако, что все они давно уже искуплены или чистосердечным покаянием, или милостью, или щедрым вкладом в монастырскую и церковную казну, или учащённым чтением молитв и канонов, или выкупом христиан из басурманского плена. Заботливый воевода не упускал при этом из виду и того ещё обстоятельства, что слишком важные грехи, особенно по части телесного вожделения, были искуплены его спиной и боками под ударами ремённой плети, которою в то время бичевали себя истинно кающиеся грешники... Короче, при самом строгом расчёте с совестью, воевода, по крайнему

своему разумению и по рассуждению его духовного отца, не находил в своей жизни ни одного столь важного прегрешения, которое вызывало бы на него кару Божию с такими страшными предзнаменованиями, какие стали теперь являться в Ильгове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.